

Цена 40 коп.

XV

A-7851_v

293 204

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СБОРНИК
СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ
(Краткие сообщения)

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00481522 3

ТАРТУ 1973

A

XV
A-7851
✓

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

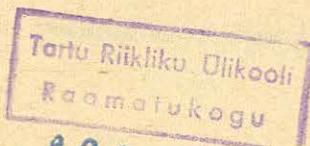
СБОРНИК
СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ
(Краткие сообщения)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВИСТИКА

ТАРТУ 1973

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ: В. И. Беззубов, Е. И. Гурьева,
Х. Я. Цук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: С. Баженова, В. Гусева, Э. Джема-
кулова, С. Заикина, Т. Курицкес,
А. Миски, И. Пяперно, М. Пляханова,
О. Ронинсон, Е. Серман,
Л. Смольникова, С. Хатина (ответ-
ственный секретарь)

I.

Фольклор. История литературы

ТЕРМИНОЛОГИЯ СВЯТОЧНОГО ОБРЯДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Е.Евтушенко

Святки зимние (24 дек. - 6 янв.) из множества народных праздников представляют особый интерес богатством обичаев, примет, обрядов, в которых древние мифологические представления славян причудливо переплетаются с христианскими рождественскими мотивами.

Обряд этот давно привлекает внимание этнографов, фольклористов, лингвистов, однако, большинство работ, посвященных святочному циклу, ограничены описанием отдельных черт обряда, причем на довольно узкой территории, поэтому теперь главная цель исследователя - свести разрозненные данные в единую систему и на этой основе попытаться воссоздать древнейшее состояние обряда и определить первоначальную семантику его составных элементов.

Из работ последнего времени, посвященных святочному обряду, следует назвать "Зимний период русского земледельческого календаря" В.Чичерова. Однако автор этой интересной и достаточно глубокой работы выводит всю семантику обрядовых действий из чисто утилитарных потребностей русского земледельца.

Иной подход к обряду - в работах О.Миллера и А.Потебни, которые пытались, анализируя обрядовую терминологию и символику святочных песен, реконструировать на этой основе элементы древней славянской мифологии. Изучение святочного цикла обрядов затрудняется тем, что на большинстве территорий обряд подвергся значительной порче, как в старину - в связи с преследованиями церкви, так и в современную эпоху, когда можно говорить о вымирании зимних обрядов и о вырождении сохранившихся их элементов. Так, колядование из важного магического действия превращается в обычное попрошайни-

чество, отсюда и "колядовать" становится синонимом "попрошайничать", "побираться".

При лингвистическом анализе обрядовой терминологии необходимо глубокое изучение этнографических данных, т.к. часто трактовка термина зависит от всей системы поверий и обычаев данного народа.

Такие "интернациональные" термины, как "коляда", "карачун", "бадняк" нельзя достоверно объяснить на материале отдельного языка - необходимо сопоставить их формы во всех славянских языках, чтобы отсеять возможные влияния частных языковых систем и установить исходную форму.

Изучение терминов - обозначений основных этапов праздника, кушаний, обрядовых действий - с очевидностью выявляет сочетание языческих и христианских мотивов в обряде, по древней своей сути представлявшем праздник зимнего возрождения солнца.

Двойственная природа обряда сказывается и на двойственности значения ряда терминов: "коляда свята" - указание на связь с Рождеством - и "коляда" (нехорошее прозвище для девушки) - намек на разгул языческого праздника; "карачун" - предрождественский пост - и "карачун" - нечистая сила, черт (задать карачун).

Однако следует отметить, что второе, негативное значение, как правило, не имеет непосредственного отношения к структуре обряда и находится с обрядовым термином скорее в отношениях омонимии. В самом же обряде термины языческие и христианские выступают как синонимы: сочельник - коляда - карачун - бадный вечер;

Святки - Колядки;
Рождество - Божич.

Это свидетельствует о том, что в народном сознании обряд существует как единая система. Об этом же свидетельствует употребление слова "коляда" в святочных песнях - указание на ее связь с Рождеством:

Коляда пришла, Рождество принесла...

Приходила коляда наперед Рождества и т.д.

А также эпитет "святая" в отношении к коляде.

В плане реконструкции элементов славянской мифологии интерес представляют, с одной стороны, терминологические обозначения обрядовых действий и предметов, с другой, - символика обрядовых песен. Однако к последним надо подходить с осторожностью, т.к. "тут легко впасть в заблуждение, приняв замысловатый поэтический оборот... за обрывок давно минувшей религиозно-мифической стороны". (Н.Ф.Сумцов).

Но вполне возможно путем широких сопоставлений отсеять случайности и выявить черты, общие для поэтики святочных песен и мифологии индоевропейских народов. Но пытаться по аналогии восполнить недостающие звенья, чтобы на основе разрозненных данных воссоздать целостную систему славянской мифологии, - рискованно. Подтверждение этому - работа А.Потебни "О мифическом значении некоторых обрядов и поверий".

При анализе обрядовой терминологии очень велика роль этимологии. Правильно устанавливая происхождение слова, можно делать выводы о предмете, им обозначаемом: о времени его происхождения, характере (христианском или языческом), исконном месте в структуре обряда. Интересен в этом отношении термин "овсень" (усень), о происхождении которого до сих пор нет единого мнения и в котором видят то указание на его весеннее происхождение (о-весень), то намек на зимнее возрождение солнца (корень тот же, что в лат. *augusta*

Таким образом, основные задачи нашего исследования:

- 1) изучение местных разновидностей обряда;
- 2) выявление общих для различных территорий черт и их картографирование;
- 3) сравнительный анализ семантики обрядовых терминов, как свидетельство современного состояния обряда;
- 4) попытка реконструировать на данном материале дальнейшее состояние обряда.

О. Реконструкция древней славянской религиозной системы (RS) имеет определенную традицию, и некоторые ее уровни описаны (см. прежде всего работы Вяч. Вс. Иванова, В.Н.Топорова). В предлагаемой заметке мы пытаемся дать основные характеристики одного из элементов низшего уровня русской RS (демонологии), который, несмотря на обилие материала, до сих пор не получил удовлетворительной интерпретации.

1. Домовой (=хозяин, большак, дед, хатник, дымовой, клетник, мцуи, жировик, подпечек, господарек, возила и пр.). Встречаются упоминания о женском соответствии (домаха, домовилиха, большуха), а в некоторых случаях и о наличии "семьи", организованной аналогично семье, проживающей в этом доме (дочь - домовинка и т.п.).

2. Домовому приписаны следующие атрибуты:

2.1. Место пребывания. Домовой находится внизу (в подполье, под печкой) и на периферии (в углу дома, двора, хлева). Отсчет по обеим линиям: верх - низ; центр - периферия (при маркированности правых членов) - идет от центра дома - очага, по связи с которым домовый противопоставлен другим элементам этого уровня (лесовику, полевику, водяному) и сближается с овишником, баенником и т.д. При изоморфизме дома и двора и при том, что дом является сущностью двора, домовый функционально тождественен дворовому (ср. записи типа: "дворовой - это и есть домовый" и наоборот).

2.2. Время. Связь с календарем. Домового можно увидеть между заутреней и обедней на Пасху. Домовой бесится 30-го марта с ранней утренней зари до полночи, пока запойт петухи. Все дела домовый делает ночью.

2.3. Облик. Человеческие черты ("такой же, как хозяин дома"). Домовой - карлик. Домовой - великан. Светлее человека. Темнее (чернее) человека. В некоторых случаях ему приписываются зооморфные черты (напр., конские уши и копыта), но всегда домовый покрыт шерстью. Кроме этого, облада-

ет свойством оборотничества, которое связано со временем суток (днем, как змея с петушиной головой, а ночью имеет вид хозяина дома).

2.4. Имя. Нам встретился один случай регистрации имени собственного: "Домового зовут Асменовичем, домаху Асменовной". (В.Добровольский. Смоленский этногр. сб-к, вып.2, с.313). Ср.: "Амчанина (Мценца) тебе на двор" (Орл.губ., Добровольский, вып. 3, с.137) Ср. также белорусское название домового-щюка (=змея) и его связь с молнией (см. ниже).

2.5. Генеалогические данные. "Атчаво ета лисавыи завялись, водяныи, палявыи, дамавыи? Ета атъ дятей Адамовых, што і он пасовѣстился Богу показатъ за тымъ, што яго жонка цѣлуу араву нарадила.

Бох вяльѣ Адаму паказатъ сваих дятей. Адамъ пасовѣстился усих вести къ Богу, што их дужа многа - цѣлая арава. Абярнуўшись назадъ, і он ни знайшоў их знова - стали няи сильты темныи: лисавыи па лисамъ, водяныи па вадамъ, дамавыи па дамамъ, лугавыи па лугамъ" (Добровольский, вып.1, № 196; см. также № 19а).

3. Функции домового.

3.1. Контроль над соблюдением правил поведения данного коллектива (семьи).

3.2. Связь со скотом, плодородием, богатством (ср. функции Велеса на уровне I -RS).

3.3. Менее явственные функции, аналогичные богу-громовержцу, хотя семантический ряд: домовый=змея - молния - пожар (и молоко, как средство от такого пожара, при обилии молока, обеспечиваемого домовым) - достаточно четко прослеживается (особенно на белорусском материале).

3.4. функции предсказания. Ср.: "Домовый предвещает добро и худо посредством разных звуков, слышных из фундамента или из-за печки, где он обыкновенно живет". (А.Н.Минх. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Спб, 1890, с.22).

4. Актуализация роли домового в ритуале, в связи с противопоставлением свой - чужой (приобщение к дому новых членов семьи в родильных и свадебных обрядах)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТРЕТЬИМ
ТОМОМ АКАДЕМИЧЕСКОГО "ПОЛНОГО СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ" А. Н. РАДИЩЕВА

И. Думечкина

I. В ходе работ над темой "Отражение русской истории в творчестве А. Н. Радищева" мы обнаружили, что 3-ий том академического "Полного собрания сочинений"¹, содержащий важнейшие тексты по этой проблеме, не может служить надежной основой, ввиду многочисленных текстологических ошибок, опечаток, небрежностей в воспроизведении текстов, неточных и прямо бессмысленных прочтений.

II. Нами выявлены следующие типы ошибок редакторов 3-го тома (приведем лишь наиболее разительные примеры, поскольку полный перечень ошибок не может уместиться в скромном объеме тезисов).

1. Пропуски целых обширных текстов, в результате чего собрание сочинений теряет право называться полным. В качестве примера приведем записи Радищева на чистом листе после переплета "Летописи Нестеровой" (в дальнейшем опубликована Ю. М. Лотманом²); в 3-м томе между с. 40 и 41 имеется вклейка с фотографией этой страницы, но в текст эта запись не попала, несмотря на то, что имеет существенное значение.

2. Пропуски частей текстов. Например, в отрывке, озаглавленном "Перспектив несохранившегося труда" (с. 48) в тексте тома указаны три части. Но на приложенной рядом фотографии ясно видно, что в рукописи Радищева перечислялись четыре части. Одну из них редакторы потеряли.³

¹ Издательство АН СССР, М., 1952.

² Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 168, с. 1965.

³ См. вклейку с фотографией рукописи между с. 48-49: пропущенный текст: "часть четыре. - Общее мнение".

3. В издании неоднократно встречается неправильное прочтение текстов (в большинстве случаев это цитаты, которые могут быть проверены по источникам, цитируемым Радищевым). Например, на с. 32 в публикации стоит "лоскутки кунци" вместо "лоскутки куньи", "бельи лапки" вместо "бельи лопки", "В города" вместо "Новгород", "зачели" вместо "запретил"; на с. 33 - "начали" вместо "начал"¹; на с. 34 - "Новгородцы жить начали" вместо "Новгородцы же изначала"², "пояри" вместо "поярки"³; с. 36 - "опрична" вместо "опричинна", "как от него" вместо "кои от него"⁴; с. 37 - "Игорь, воевода Всеяльд" вместо "Игоря воевода Свейяльд"⁵, "Адуи" вместо "Адуи"⁶, "по луке" вместо "по Луге"⁷, "княже бытъ" вместо "княже б<р>ать", "куни" вместо "куни"⁸; с. 39 - "я и закон" вместо "яко и закон", "Вл<адимир> отдал" вместо "Вл<адимир> бо дал"⁹; с. 41 - "казну" вместо "науку"; с. 47, отрывок VI "не"

¹ Ср.: Г.-Ф. Миллер. Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении Российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях. - "Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих", 1761, июль-октябрь, с. 99, 100. (Далее - "Миллер").

² Ср. летопись Нестерова с продолжателями по Кенигсбергскому списку. - "Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи, и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен". Ч. I. СПб., 1767, с. 261.

³ Ср.: История Российская с самых древнейших времен усиленными трудами чрез тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. Кн. I. М., 1768-69, с. 330. (Далее - "Татищев" с указанием тома).

⁴ Ср. Миллер, с. 214.

⁵ Ср. Татищев, кн. II, с. 41.

⁶ Там же, с. 29.

⁷ Там же, с. 41.

⁸ Там же, с. 329.

⁹ Там же, с. 271.

вместо "на"; с.48 - "разделени" вместо "разделение" и пр. На с.33 непрочтенное слово - "приятель".

4. Имеет место неправильная расшифровка сокращений, сделанных Радищевым. Например, с.34 в публикации "Давид-
<овича>" вместо "Давидов<ича>"; с.38 - "новгороц<ки>"
вместо "новгородц<ев>"¹, "В<еликому> ки<язь>" вместо "В<е-
ликие> ки<язья>" и т.д.

5. Отмечена произвольная расстановка знаков препинания, изменяющая смысл. В рукописи Радищева знаки препинания обычно не стоят, но расстановка их в цитируемых Радищевым источниках существенно отличается от расстановки, сделанной публикатором. Например, с.32, отрывок о русских деньгах²; с.35, отрывок о Петре I³; с.41, начало л.83 об. - после слова "казна", которое должно читаться как "наука", в рукописи запятой нет и т.п.

6. В публикации не отмечены некоторые очень важные особенности рукописи. Например, с.32, в рукописи Радищева слова "лоскутки кумь" вставлены позже, написаны над строкой, а слово "кунь" обведено чертой; слово "знак" подчеркнуто; с.36, в отрывке о Ярославе Ярославиче над словом "они" стоит "н.г.", т.е. "новгородцы"; буква "и" публикатором перенесена в строку и расшифрована как "и<овгород-
ским>", для чего рукопись и цитируемый Радищевым источник⁴ не дают оснований; с.40, в печатном тексте - "(печенег)", в рукописи Радищева "печейбг [или печенег]"; там же - "[холопе]", в рукописи - "хоне [мокет б<ыть> в холопе]" и т.д.

¹ Там же, с.105-106.

² Ср. Миллер, с.99.

³ Ср. Татищев, кн. I, с.545-546.

⁴ Миллер, с.38.

III. Сверка делалась нами по рукописям¹, но о качестве публикации можно получить представление и сравнив соответствующие заметки с немногочисленными вклейками, воспроизводящими эти отрывки в рукописи.

IV. В итоге проделанной нами работы приходится признать, что академический 3-й том не удовлетворяет элементарным правилам публикации, и мы все еще не имеем научного издания сочинений Радищева.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII в.

Ю.Сидяков

Европейская культура конца XVIII в. характеризуется оживлением интереса к средним векам, к рыцарскому миру. Данное явление находит отражение и в русской культуре: появляется ряд переводов, связанных с этой темой.

Вопрос о том, какое представление о средневековье мог получить из печатных текстов на русском языке русский человек конца XVIII в., интересен, но специально до сих пор не рассматривался.

Целью нашей работы является обзор литературы 1780-90-х гг., напечатанной на русском языке и посвященной этому вопросу.

Для данного периода характерны две точки зрения. Первая - связана с концепциями эпохи Просвещения. Это, в первую очередь, переводы из Рейналя и Робертсона. Средние

¹ ЛОИИ, собрание Воронцова, ф.36, оп. I, лл.78-83.

века изображены здесь как время варварства, бескультурья и суеверий. Рыцари злы и грубы. Их быт — буйство и зверство. Науки нет. Те, кто пытается ее заниматься, считаются презренными и ничтожными. Подлинной религии также не существует: ценится только обряд, причем, чем мрачнее — тем лучше.

Вторая точка зрения оказывается противоположностью первой. Она встречается, прежде всего, в книге Галлера "Достопамятные и любопытные приключения Алфреда, короля англосаксонского", а также в ряде статей.

Средние века предстают перед нами как время доблестных и благородных рыцарей, долг которых — защищать притесняемых и невинных. Появляются также статьи, подробно анализирующие рыцарское общество.

Взгляд на средние века, как на время героев, окажется важным для романтизма. Так, например, тема культа дамы сердца — "чистой от похотей любви" — появится впоследствии у Жуковского.

Для данного периода характерен рост интереса к такому жанру, как рыцарский роман-сказка. Такие романы рассчитаны на низового читателя. Определенного указания на время действия в них нет, но через все романы проходит доблестный герой-рыцарь. Эти романы интересны тем, что генетически они восходят к средневековым рыцарским романам. Трактовка образа рыцаря в таком романе совпадает с вышеуказанной (второй) концепцией.

Кроме указанных литературных явлений, следует отметить появление высших — "рыцарских" — степеней масонства, перенесение в Россию Мальтийского ордена, а также появление русской псевдоготической архитектуры (Баженов).

К ПРОБЛЕМЕ "КАРАМЗИН И СПЕРАНСКИЙ"

Л. Киселева

1. Давно уже стало общим местом, говоря о преобразовательной деятельности М.М. Сперанского, приводить как пример суровой и блестящей критики его планов выдержки из "Записки о древней и новой России" Н.М. Карамзина. Но выдержки цитаты лишь констатируют факт полемики и не заменяют сравнительного анализа двух глубоко и принципиально различных социально-политических систем.

2. Является ли "Записка о древней и новой России" прямой критикой "Введения к Уложению государственных законов" — центрального произведения Сперанского этого периода — сказать трудно. Во всяком случае, знакомство Карамзина с этим документом не исключено. "Введение" было завершено в октябре-ноябре 1809 г. и, хотя писалось в глубокой тайне даже от ближайшего окружения Александра I, французский перевод его был тогда же, по свидетельству автора, направлен принцу Георгию Ольденбургскому¹. Т.о., в период создания "Записки о древней и новой России" (конец 1810 г.) план Сперанского находился в Твери. Вполне возможно, что Карамзину, пользовавшемуся большим доверием вел.кн. Екатерины Павловны и часто бывавшему в этот период при тверском дворе, была предоставлена возможность познакомиться с ним. Документального подтверждения этому у нас нет, и вряд ли могло быть — Карамзин умел хранить доверенные ему тайны. Некоторые места "Записки" при сопоставлении с "Планом государственного преобразования" создают впечатление прямой полемики Карамзина со Сперанским. Однако часто печатные манифесты и указы 1810 г., написанные государственным секретарем, почти дословно повторяли отдельные части "Введения к Уложению государственных законов"², поэтому некоторые

¹ См. Н.К. Шильдер. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. III, СПб., 1897, с. 44.

² Ср., например: Манифест об учреждении Государственного совета и Образование Государственного совета. — "Санкт-петербургские сенатские ведомости", 1810, 8 января, № I и раздел "Государственный совет" во "Введении к Уложению государственных законов" — В кн.: М.М. Сперанский. Проекты и записки. М.-Л., 1961, с. 216-221.

соприкосновения текстов "Записки" и "Введения" не являются абсолютным доказательством справедливости предложенного тезиса, хотя и делают его вероятным.

3. Независимо от того, читал ли Карамзин "План" Сперанского или нет, перед нами два документа, в которых содержатся два противоположных взгляда на прошлое России и ее современное положение. Оба автора одинаково оценили обстановку в России: "дух народный страдает в беспокойствии"¹ — "Россия наполнена недовольными"². И хотя объяснили они это недовольство по-разному: один — "сильным желанием другого вещей порядка", а другой — отрицательным отношением общества к самой идее преобразования, которой руководствовало правительство, — именно это обстоятельство заставило их взяться за перо.

4. Историческая концепция Карамзина и Сперанского еще не становилась предметом сравнения. Между тем, их положительные программы тесно связаны с их взглядами на историю.

5. Основными моментами в системе Сперанского, как подчеркнул А.В.Предтеченский³, являлись идея примата закона над властью и мысль о единстве путей развития Западной Европы и России. Ю.М.Лотман отмечает⁴, что Карамзин, напротив, считал исторический путь России уникальным и исходил из необходимости сильной самодержавной воли монарха как единственного средства обуздания человеческого эгоизма. Эти положения определяют характер изложения русской истории во "Введении к Уложению государственных законов" и в "Записке о древней и новой России" — оба автора ищут и находят в ней подтверждение своей концепции. Интересно отметить, что они останавливаются на одних и тех же исторических фактах (что особенно знаменательно, если не было прямой полемики), а также проследить, как эти факты по-разному интерпретируются ими.

¹ См.: М.М.Сперанский. Проекты и записки. М.—Л., 1961, с.163.

² Н.М.Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с.49.

³ См.: А.В.Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957, с.237.

⁴ Особенно подробно об этом говорилось в специальном курсе, по творчеству Н.М.Карамзина, прочитанном Ю.М.Лотманом в ТГУ в 1970/1971 уч.году.

6. Так, Сперанский, рассмотрев всю мировую историю как борьбу "трех великих систем": республиканской, феодальной и деспотической, — приходит к выводу о неизбежной победе республики, ибо стимулом борьбы считает стремление человеческой личности к свободе. Поскольку самодержавие, или деспотия, для него несовместимо с этими главными установлениями человечества, он, приводя параллели из западно-европейской истории, рассматривает период воссоединения Руси и установления самодержавия как начало борьбы против деспотизма. Именно как попытку ограничить губительное самодержавие, он интерпретирует удельную систему, заговор верховников. Вся история, начиная с Алексея Михайловича, Сперанский представляет как цепь правительственных мероприятий, направленных на постепенное проведение идеи политической свободы. Инициатива правительства была особенно для него значима, ибо он полагал, что общество, если правительство будет ему препятствовать, рано или поздно все равно придет к своей цели, но тогда уже революционным путем.

7. Карамзин, который видел в утверждении самодержавия единственное спасение России, естественно, оценивал любую попытку ограничить его как губительный и опасный для государства замысел. Отсюда осуждение удельной системы, верховников. Резко разошлись они и в характеристике деятельности Петра, о чем необходимо сказать особо.

8. В соответствии с исходными посылками, столь же противоположно, как и прошлое, оцениваются обоими авторами настоящее России и перспективы ее дальнейшего развития. В этой связи совершенно понятны столь часто цитировавшиеся исследователями резкие выпады против Сперанского и уничтожающая критика деятельности правительства Александра I в "Записке о древней и новой России". Однако, без сравнения исторической концепции Карамзина и Сперанского сопоставление их позиций, как кажется, будет неполным.

М. Плуханова

1.0. "Северная Пчела" - главный труд Ф.В. Булгарина - в период до конфликта с "Литературной газетой" осталась вне внимания исследователей. Возможно, причиной этому - с пушкинских времен сохранившееся неподвижное представление о Булгарине и его газете: Булгарин - продажный журналист, шпион, агент деспотизма; "Северная Пчела" - торгашеское, бессодержательное издание.

Целью работы является не борьба с трафаретом, а анализ газетного материала, определение места "Северной Пчелы" в журнальной жизни той поры и, в конечном счете, выяснение одной из внутренних причин будущей войны между "Северной Пчелой" и "Литературной Газетой".

2.0. К 1825 году отношение к Булгарину в литературных кругах было крайне пренебрежительным. Причины: беспомощность Булгарина как критика, проявившаяся в двух больших полемиках 1824 года; ряд скандальных нарушений этических норм.

2.1. Окончательно усвоен тон презрения к Булгарину в ходе полемики выступлений "Северной Пчелы". Участие в полемике, на которых строилась журнальная жизнь предшествующих лет, ощущалось публикой как показатель качества журнала. Создавая видимость особой активности "Северной Пчелы" и, одновременно, борясь с конкурентами, Булгарин враждует почти со всеми журналами той поры. Выпады против "Московского Телеграфа", "Мнемозины", "Русского Инвалида", "Славянина", "Вестника Европы", "Московского Вестника" - цепь мелких скандалов. В результате - к концу десятилетия полемика как публицистический жанр полностью дискредитирована. Литературные круги бессильны поколебать благополучие "Северной Пчелы" - это одно из свидетельств специфического характера газеты, ее новой ориентации.

3.0. Шум, с которым обсуждает "Северная Пчела" основные вопросы времени - проблемы романтизма и народности - создает впечатление бурных поисков истины. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в тексте "Северной Пчелы" сведены суждения, заимствованные из разных источников, лишённые основы и разработки, часто заведомо бессмысленные. Они преподносятся с помпой и опровергаются на следующей же странице. Возникает пародия на публицистическую войну между "классиками" и "романтиками".

3.1. Единственная четкая декларация в "Северной Пчеле": литература - школа нравственности. Глубина понятия нравственности - сомнительна.¹

4.0. Ряд свойств газеты заставляет предположить, что цель Булгарина - создать видимость умственного роста публики, реально оставляя ее на прежнем уровне, во сне.² Вывод этот, кажущийся грубо прямолинейным, находит полное подтверждение в "Записке о цензуре", составленной Булгариным в мае 1826 года. Автор "Записки" полагает развитие умственной жизни опасным для благополучия общества. Выделив ряд оснований, обладающих, по его мнению, умственной активностью, он разрабатывает меры по ликвидации самостоятельной мысли. "Записка" была одобрена Николаем I, и "Северная Пчела" тщательно реализует ее идеи.

5.0. Появление "Полтавы" Пушкина к "Выжигина" Булгарина окончательно выявило разделение сил. "Московский Телеграф" печатает в 1829 году две многозначительные статьи: "О сочинениях Пушкина" (т.27) и "О сочинениях Булгарина" (т.28). Пушкин и Булгарин сопоставлены: первый безуспешно возвышает публику до себя, другой с успехом склоняется до публики. Заканчивается процесс формирования основ для будущей войны между "Северной Пчелой" Булгарина, изданием для любителей виста и охотников, и "Литературной газетой" Пушкина, изданием для писателей.

¹ "В нравственном сочинении действующее лицо представлено в столь неприятном виде, что ни один читатель не хотел бы быть на его месте" ("Северная Пчела", 1826, № 3).

² Ср. афоризм в "Северной Пчеле" (1826 г., № 114): "Образованный человек есть тот, кто принял образ общества, в котором он живет и обращается".

Л. Петина

1. Среди периодических изданий в русской литературе нач. XIX века альманахи занимают видное место. Альманах нач. XIX века представляет собой структурно и композиционно организованное текстовое образование. Говоря об альманахе, как определенном типе издания, жанре, следует учитывать издательскую и читательскую установку на альманах, что в свою очередь связано с жанровой спецификой данного издания в ряду других книжных текстов. Исходя из этого, выделяют негативные (альманах - не-книга, альманах - не-журнал, альманах - не-альбом) и позитивные признаки.

2. Одним из основных конструктивных элементов альманашной структуры является объединение. Причем, для альманаха нач. XIX века это будет объединение в определенном формате карманной книжки. Изменение формата и критикой и современниками нач. XIX века воспринимается как нарушение данного типа издания.

3. Исходя из предназначения объединять и в силу малой формы, альманах вынужден помещать не трагедии и поэмы целиком, а отрывки из трагедий и поэм. В дальнейшем это становится важной структурной особенностью альманаха и, в свою очередь, приводит к образованию жанра отрывка, фрагмента. Связь эта взаимнообратная. С одной стороны, литература нач. XIX века определяет, диктует такую структуру объединения; с другой стороны, конструктивные особенности альманашного типа издания накладываются на литературный материал и соответствующим образом его организуют.

Определение нач. XIX века как "альманашного периода" в русской литературе может быть понято в двух значениях: первое - литература находится в альманахах и второе - литература предназначается для альманахов.

4. Важным дифференциальным признаком нач. XIX века будет оформление. Визуэтки, иллюстрации, гравюры, шрифт, бумага, обертка - обсуждаются наравне с содержанием и составляют необходимую и значительную часть рецензии на любой альманах. Графико-иллюстративный материал становится обязательной частью альманашной структуры нач. XIX века. Любопытным примером в этом смысле является альманах "Мнемозина", изд. В. Кюхельбекером и В. Одоевским. Особенно выходясь из ряда альманашных изданий и по причине своего большого формата, и по внутренней структуре, альманах этот из номера в номер, в каждой своей части содержит гравированные листы, литографированные иллюстрации, ноты. Нарушая одни конструктивные признаки, издание это сохраняет другие и в силу этого остается еще в разряде альманахов. Некоторые издатели, не имея возможности заполнить свой альманах литературой хорошего качества, особенно усиливают его оформительскую сторону, заметно развывают этот дифференциальный признак. Иллюстрации не были единственной принадлежностью альманахов. Здесь следует говорить не только о наличии иллюстраций, но и об их специфике. "Альманашный вкус" диктует здесь свои правила.

5. Отличительной приметой альманашных изданий являются их названия. Заглавия типа "Эрато", "Жасмин и Роза" воспринимаются как знак альманаха не только для составителей библиографических пособий по альманахам. Поэтика альманашных названий некоторым образом предопределяет выбор их. Не случайно Е. Измайлов, намереваясь издавать альманах "Парнасский Вестник", переименовывает его в "Календарь Муз".

6. Одни элементы альманашной структуры можно выделить как основополагающие. Нарушение конструктивного признака объединения ведет к разрушению всей системы. Замена фрагментарной конструкции сочинениями целыми приводит к совершенно иному типу издания, сборникам, которые в 40-е годы приходят на смену альманахам. Изменение формата, включение в альманах полемики, публикация произведений, уже бывших в печати, публикация произведений одного автора - воспринимаются кризисной и современниками как нарушения, но в целом альманашной структуры не меняют. Требования эти отражают понятие, которое вкладывается в альманах в 20-х гг. XIX в.

7. Если в структурном отношении каждый альманах есть повторение определенного набора элементов (с той или иной полнотой их воспроизведения), то в отношении композиционном таких повторений не существует. Композиция альманаха определяется, с одной стороны, литературными убеждениями издателя (для альманаха 20-х гг. XIX в. организующим элементом композиции выступает не столько размещение тематически связанных произведений, сколько выбор имен участников, умелое совмещение имен), с другой стороны, композиция альманаха связана с намерением издания, т.е. подбор материала определен выбранной тематикой: театральные альманахи, альманахи исторические, детский альманах и т.д.

8. Альманах как жанр проделал длительную эволюцию, которая состоит в сложном взаимодействии рукописной и печатной литературы. Рукописные сборники, переходя в ранг печатных изданий, трансформировались в альманахи, а на уровне рукописной литературы дали альбомы. Альбом нач. XIX в. как определенный тип литературной организации оказывает самое непосредственное влияние на альманах. Альбом не только напоминает альманах, но является как бы

его своеобразным рукописным вариантом. С этим связано и главное отличие альманаха от альбома. Составление альбома случайное, импровизационное. Альманах, подобранный из текстов уже готовых и заготовленных - факт литературного производства. В отличие от альбома, где элементы структуры менее связаны между собой и носят необязательный характер, альманах организован гораздо строже.

9. Если связь между альбомом и альманахом преимущественная, то принцип соотношения между "нелитературным" журналом XVIII в. и альманахом, альманахом и журналом "литературным" XIX в. - борьба и смена. Эта борьба за выход литературы из альманахов и альбомов на широкое обсуждение - есть в конечном итоге новая постановка вопроса с литературе в XIX в. На линии "нелитературный" журнал XVIII и насыщенный полемическими статьями "литературный" журнал XIX в., альманах занимает место литературного преджурнала. В этом соположении он приобретает еще одно важное значение. Представляя собой композиционно и структурно организованный текст, альманах фиксирует определенный этап литературного сознания нач. XIX в..

А.Г.ЕВСТАФЬЕВ - ДВУЯЗЫЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

И.Паперно

Имя Алексея Григорьевича Евстафьева, литератора и дипломата, видного деятеля американской и русской культуры начала прошлого века, незаслуженно забыто исследователями. О нем писали только дважды - библиограф С.Д.Полторацкий ("Библиографические записки", 1858, т. I, № 7) и академик М.П.Алексеев ("Научный бюллетень ЛГУ", 1946, № 8).

Между тем А.Г.Евстафьев как человек своей эпохи и его творчество как уникальное явление в истории билингвизма заслуживают и более внимательного изучения.

В архивах сохранились документы и письма; в журналах начала XIX века, в воспоминаниях современников разбросаны сведения, позволяющие составить и реконструировать биографию писателя.

А.Г.Евстафьев (1779-1857) родился в семье священника в провинциальном городке казачьей области Харьковской губернии. Он учился в Харьковской семинарии, а окончив ее, отправлен был по протекции А.А.Самборского, законоучителя Императора, в Англию, вместе с семинарским товарищем своим Н.М.Лонгиновым (потом - сенатором). Почти десять лет, с 1798 по 1807 гг., бедствовал Евстафьев, дьякон посольской церкви, в Лондоне. За это время он основательно изучил английский язык и опубликовал перевод трагедии Сумарокова "Дмитрий Самозванец" (1806) и брошюру на английском языке "A Key to the Recent Conduct of the Emperor" (1807). Это энергичное выступление в защиту русской политики, обнаружившее немалый талант дипломата и публициста, обратило на себя внимание Министерства иностранных дел, и автор был вскоре отправлен для дипломатической службы в Северо-Американские Соединенные области.

С 1809 по 1827 год Евстафьев занимал пост русского консула в Бостоне, а затем, по 1852 - в Нью-Йорке.

За эти годы Евстафьев опубликовал в Америке ряд брошюр, переводов, пьес, поэм на английском языке, поставивших его в ряд американских писателей. Среди них замечательная книга о войне 1812 года "The Resources of Russia in the event of a War with France", за год трижды изданная в Бостоне, Лондоне и вызвавшая отклик "Эдинбургского Ревью", книга анекдотов о Петре I и пьеса "Alexis, the Czarewicz" (1812), эпическая поэма "Demetrius, the Hero of Don" (1818) и другие.

Евстафьев упомянут среди американских писателей в нескольких парижских и петербургских журналах "Tablettes Universelles de Gouriet", "Revue Encyclopedique", "Сыне Отечества", "Северной Пчеле".

Немало усилий приложил Евстафьев для установления культурных и научных связей России с Америкой, для пропаганды русской культуры в этой отдаленнейшей стране. В письмах к Н.С.Мордвинову он постоянно сообщал о новинках науки и техники, полезных новшествах, изобретенных "сметливыми и практическим сим народом": локомотивах, камфордовских плотах, гомеопатии...

Русский в Америке, Евстафьев посвятил полвека служению своему далекому отечеству. Он представлял Россию не только как дипломат, но и как поэт, публицист, патриот.

Как писатель, А.Г.Евстафьев стоит на грани двух культур, хотя художественных произведений по-русски он не писал.

Творчество Евстафьева - результат взаимодействия двух структур: языка русской культуры и языка культуры американской.

Так, двуязычной можно назвать поэму "Дмитрий Донской", написанную по-английски.

Тень Дмитрия, которая, по словам Пушкина, "скиталась незоспетая", привлекая внимание Рылеева, Ламанского, Палицына, Кихельбекера, предлагавшего воспеть ее в романтической поэме "в духе Скоттовых" ("Дневник", Л., 1929, с.128), дошла до Америки, где Евстафьев воспел ее в эпической поэме, в духе американской литературы (Джозла Барлоу, Тимоти Дуайта). Дмитрий Донской, земляк поэта, призывая своих соотечичей к свержению иноземного ига, к борьбе за независимость, обращается и к только что пережившему войну за независимость американскому народу - в звучных и прекрасных английских стихах.

ДВА АСПЕКТА "ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЛИЧНОСТИ"

К.Кумпан

1. Одним из характерных компонентов романтической поэзии является создание некоторого типа романтической личности, включающего в себя не только основные черты героев произведений того или иного автора, но и биографический образ самого поэта.

2. Таким наиболее цельным типом в русской литературе является тип "лермонтовской личности", личности борца, неистового бунтара и "отрицателя", образ которого наиболее точно, хотя и негативно определил Достоевский как "большую личность русского интеллигента, мучимого своим европеизмом".¹

3. Интересно, что в создании этого единого образа принимали участие не только и не столько сам Лермонтов, сколько критические и полемические оценки его творчества, данные в пылу спора, возникшего сразу после смерти поэта.

4. Так, для Белинского в период напряженных споров со славянофилами (1842-1845 гг.) личность Лермонтова (как и творчество Гоголя) становится знаменем и орудием в борьбе за свои новые идеалы. Известно, что именно бунтарский аспект "лермонтовской личности" оказал огромное влияние на критика в период его отхода от гегельянства.² С позиций этой однозначной оценки критик рассматривает все творчество поэта: произведения, не поддающиеся подобной интерпретации, Белинский определяет либо как незрелые ("Песня про купца Калашникова"), либо дает им специфическое толкование

¹ Ф.М.Достоевский. Полн. собр. соч. Т.12, СПб, 1906, с.397.

² Н.И.Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.-Л., 1950.

и подробно на них не останавливается ("Три пальмы", "Фаталист").

5. Иную концепцию "лермонтовской личности" выдвигает Белинский периода "примирения с действительностью". Взгляды и оценки критика в этот период совпадали с более поздней трактовкой Шевырева, который, резко выступая против лермонтовского "отрицательного начала", называет стихотворение "Три пальмы" одним из лучших. Сопоставив высокую оценку, данную Белинским таким стихотворениям, как "Молитва" ("В минуту жизни трудную..."), "Три пальмы", "Дарь Терек" с его анализом "Героя нашего времени", где скептицизм Печорина ("Клевета на вечные законы разумной действительности")¹ Белинский противопоставляет отношению к миру как к "сфере вечной гармонии" (родной для Лермонтова, как считал критик), — станет ясным, что ранний Белинский выделял два начала в творчестве поэта: одно — субъективное, отрицающее (которое вслед за Достоевским и славянофилами можно определить как "европейский" аспект "лермонтовской личности"), другое — гармоническое, объективное ("восточный" аспект). В чистом виде последний воспроизводится в "Восточном сказании" ("Три пальмы"). Богоборческое, активное, личное начало карается смертью, и стихотворение звучит как апофеоз, проповедь смирения и покорности внешне бессмысленной, но внутренне разумной, божественной действительности. Не случайно Ю.Г.Оксман считал, что это стихотворение было написано Лермонтовым в период частичного и кратковременного "примирения с действительностью".²

6. Интерес к "восточному мирозерцанию" проходит через все творчество поэта: столкновение двух типов сознания, мусульманского и христианского звучит уже в финале поэмы

¹ В.Г.Белинский. Полн.собр.соч. в XII томах, Т.IV, М., 1954, с.248.

² Точка зрения Ю.Г.Оксмана была сообщена нам Ю.М.Лотманом.

"Измаил-Бей" (1832), на столкновении двух типов сознания построена и повесть "Фаталист" (Вулич - двойник Печорина, его восточный вариант).

7. Обе модели лермонтовского героя - "восточная" (которая характеризуется такими чертами, как безличность, присутствие коллективного, традиционного сознания и особенно восточного фатализма) и "европейская" (для которой характерны индивидуализм, сильное личное начало, свобода воли, выломанность из рода и традиций) в стихотворениях второго периода соединяются с автопортретом лирического героя Лермонтова ("Слеза на Север издадека...", "Валерик" и др.).

8. Таким образом, реальный тип "лермонтовской личности" был несколько сложнее, чем тот "миф" о поэте, который прочно вошел в русскую культуру. За "восточным" аспектом "лермонтовской личности" стоит и особая историческая концепция и определенное философское представление о мире и (что было важно для 1830-40-х гг.) особая трактовка русского национального характера.¹ Все эти проблемы решались Лермонтовым в психологическом ракурсе, что в целом было свойственно творческому методу поэта.

¹ См. нашу работу "Проблема русского национального характера в творчестве М.Ю. Лермонтова. (К вопросу о позиции Лермонтова в идейной борьбе 30-40 годов). - В сб.:

T. Ped. i. 17 üliõpilaste teadusliku konverents, Tallinn, 1972, с. 6-7.

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ "НОВОГО ПУТИ" (1903-1904).

С. Кульяс

1. Эстетические, философские и исторические воззрения группы Мережковского к нач. 1900-х гг. уже претерпели значительную эволюцию, которая схематично может быть представлена так: от идеалистических исканий 1890-х гг. - через ницшеанский период с проповедью индивидуализма и всем комплексом идей, связанных с именем философа, - к религиозно-философским исканиям.

2. Появление "Нового пути" (1903) свидетельствовало об окончательном вычлениении группы в самостоятельное образование, но многим признакам отличное от других декадентских объединений. Религиозно-мистическое мировоззрение группы определило позицию органа, задачи которого в основных чертах совпали с функцией Религиозно-философских собраний, завершивших этап духовных исканий конца века.

3. Преодоление разобщенности светского общества и духовенства, которое мыслилось посредством свободного обмена мнениями по вопросам культуры, религии, сектантства, общественной и интеллигенции, было постулировано как цель собраний и расценивалось как необходимое условие победы "подлинного религиозного сознания" в России. Центральное место в построениях "петербургских мистиков" занимало положение об искаженном восприятии религии Христа историческим христианством, которое привело к дуализму духа и плоти, земного и небесного. Преодоление дуализма предполагалось посредством соединения разобщенных сфер (идея "синтеза" Мережковского).

4. Критическое отношение к ортодоксальному православию, требование реформы церкви не выглядит неожиданно на этом фоне, равно как и мнение об исчерпанности "утилитарно-позитивного" мировоззрения, о "примитивизме" и "грубости" материализма и атеизма. В области искусства на первый план выдвигалась религиозная функция: естественным оказалось неприятие реализма как "грубой" литературы ("Знание").

5. Оценка богоборческой повести Д. Андреева "Жизнь Василия Фивейского" (1903) во многом иллюстрирует литературную позицию журнала. Обращение автора к богу приветствовалось как способствующее проникновению в "мистические сферы" (В. Иванов, Г. Чулков, Волжский). Однако сама трактовка темы была непримлема для петербургских символистов. Не случайно о. Василий расценивался как носитель "мнимой" веры, нуждающейся в подтверждении чудом, и противопоставлялся Алексею Карамазову, истинность и глубина веры которого не поколебалась при виде "тления" Зосимы (В. Иванов, Волжский).

6. Истоком такого подхода к вопросам веры критика объявила колебания между "мистическим мироощущением" и "позитивистским миропониманием" (Г. Чулков. "Новый путь", 1904, № 6); рассудочность произведения - материализмом, "унижающим" Андреева до атеизма и обесценивающим мистические прозрения автора. Повесть послужила поводом для резкого выступления против материализма вообще, как учения, не совместимого с понятием свободы (З. Гиппиус. "Новый путь", 1904, 7).

БЛОК - ПЕРЕВОДЧИК БАЙРОНА

Е. Серман

1. Наследие Блока-переводчика невелико. Особенно известны переводы Блока из Гейне. Им посвящено немало интересных работ. Куда меньше повезло в этом отношении переводам Блока из Байрона. О них упоминает Д. Самойлов, В. Орлов, З. Г. Минц.

Подробнее всего на этом вопросе останавливается Н. Т. Панченко /"Из неопубликованных писем А. Блока к Венгеру". - Блоковский сборник, П, Тарту, 1972/.

2. В 1905-1906 гг. Блоком было написано 118 произведений. Общие идеи большинства из них - разрыв с прежними мистическими идеалами ("Балаганчик", "Незнакомка", "Сытые"). Для поэта не проходят незамеченными революционные события этих лет. Все это внутренне подготовило Александра Блока к восприятию революционной лирики Байрона. Поэтому случайное знакомство Блока с Венгеровым осенью 1905 года, когда Блок нуждался в литературном заработке, оказывается закономерным и даже символичным. (С. А. Венгеров - представитель позднего народничества, сближение с ним - сближение с демократической мыслью конца XIX - начала XX вв.).

3. И Блок, и Венгеров, как это видно из переписки, не требовали от переводов буквальности. Но для Блока идеал - точность воспроизведения "духа" оригинала, достигаемая точностью передачи языка и стиля (см. статью "Гейне в России". - А. Блок. Собрание сочинений в 8 тт., т. 6, М.-Л., 1962). Тем интереснее, что исследование на низших уровнях обнаруживает следующий феномен. Строго соблюдая принцип эквиритмии и эквилинеарности, Блок перевел только 4 стихотворения Байрона. В остальных случаях Блок перевел шестистопным ямбом 8 из 9 стихотворений Байрона, написанных Я5, Я4 и Амф. 4. Это не может быть простой случайностью. В оригинальном творчестве Блока Я6 занимает очень незначительное место, а в указанные годы почти отсутствует.

4. З.Г.Миц, затронувшая эту проблему в своей докторской диссертации "Блок и русская реалистическая литература XIX века", видит здесь ритмическую инерцию, определенную особенностью восприятия Блоком Байрона через гражданскую лирику Пушкина (ср. свидетельство В.М.Жирмунского: "Байроническая стихия проникла в русскую поэзию через посредство Пушкина"¹).

Инерцией метрического облика гражданской поэзии можно объяснить Я6 таких стихотворений, как "Георгу, графу Делагару", "Дамет", "Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу", "Победа", "Любовь и Смерть", "Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей".

5. Что касается стихотворений "Подражание Катуллу", переведенного Амф.4 (в подлиннике - Я4), и "Подражание Тибуллу", переведенного Я6 (в подлиннике - Я5), то здесь нам видится традиция "русской античности" в культуре XIX века. Античный гекзаметр передавался 12-сложным силлабо-тоническим стихом, чаще всего Я6. Подражания античным поэтам в сознании Блока, по-видимому, связывались с передачей этого метра в русской традиции.

П.А.Руднев в статье "Метрический репертуар А.Блока" (Блоковский сборник II) упоминает о преимущественной связи "его <Блока-Е.С.> метрической системы с господствующей в русском стихе XVIII-XIX вв. домоновско-пушкинской традицией".

В этой связи можно сказать, что Блок-переводчик передал читателю свою концепцию Байрона, выстроенную на культурных ассоциациях русской поэзии XIX века.

¹ В.М.Жирмунский. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л., 1924.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ РОМАНА А. БЕЛОГО "ПЕТЕРБУРГ"

В.Алтунин

В докладе мы хотели бы коснуться лишь отдельных сторон поэтической системы романа А.Белого, составляющих специфику этого произведения, выяснить функциональную значимость важнейших элементов поэтики Белого.

В связи со смыслом и замыслом романа нужно говорить о максимализме Белого, а также о его стремлении вскрыть первоисточники всех грядущих и нынешних событий. В романе сопоставлены: 1) реальность мнимая, т.е. то, что составляет "вселенную" каждого из героев романа (у Николая Аполлоновича, например, это - его умозаключения); 2) реальность жизни - реальность, если так можно выразиться, более реальная, чем первая. Но все же не здесь видит Белый корень событий, а в реальности высшего порядка. Это - 3) реальность космическая, ее составляют Время и Пространство, понимаемое как Космос. Процессы, происходящие там, - вот источник земных потрясений. Земные события - отражение, следствие взаимодействия космических сил. Не случайно Белый в конце концов разрушает все иллюзорные "вселенные" и выводит своих героев к высшей реальности - реальности Времени и Пространства.

С этим связана одна из важнейших особенностей поэтики романа - зыбкость привычной реальности, сопряженной с куда более существенными для Белого глобальными силами Космоса. Изобразить сами эти силы Белый, по понятным причинам, не мог, дело свелось к изображению земных конфликтов, но автор все время отсылает читателя к Космосу. Это не означает у Белого отрицания революции, но обуславливает трагическую ноту, трагическую иронию по поводу того, что эта земная революция "не дотягивает" до высокой космической нормы, что люди не сознают огромности того дела, которое они делают.

Космическое бросает ответ на земное, отчего земное предстает остранным. С этой подключенностью к "вселенскому напряжению" связана и напряженность стиля романа.

Тема "индивидуальных вселенных" связана с темой "одиночества в толпе". В разрушении вселенных и выходе всех в одну стихию для внесения в нее разумного начала и виден Белый суть и цель революции (см. "Журавли").

Части и эпизоды романа расположены так, чтобы передать ощущение всеобщей тревоги, ожиданий, надежд. Главы расположены в порядке возрастающей напряженности. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть эпиграфы к ним. Последовательность сцен создает определенные связи между героями (см. гл. первую: сенатор Аблеухов и незнакомец с узелком).

Живость, активность прошлого — еще одна существенная черта поэтики романа. Фантастика — средство обнаружения этой живости прошлого в человеке, связи его с бесконечностью (см. "Страшный суд"). Основные приемы создания фантастического: 1) сопоставление обычных вещей и явлений с явлениями необычными; 2) фантастика обстановки (ночной Петербург, ресторанчик); 3) введение прямо фантастических образов (Медный Всадник, Эпифрашии, очертания, "кто-то печальный и длинный"). В фантастике Белого многое определяется ракурсом взгляда, освещением, сочетанием вещей и явлений. Она постоянно сопрягается с реальностью, разрушается ею, но лишь затем, чтобы вновь восстать в еще более острях и зловещих образах и формах.

Принципы построения поэтической системы романа в очень большой степени зависят от теоретических взглядов Белого на строение художественного произведения. Эти взгляды реализуются, в частности, в его работе "Мастерство Гоголя". Белый анализирует произведения Гоголя с учетом всех деталей, всех мелочей обстановки, внешности и поведения героев и вскрывает большой внутренний смысл, непонятый предыдущими критиками. И художественную систему своего романа Белый строит по этому принципу многозначных мелочей. В этом глубокая связь поэтики Белого с гоголевской.

ПЬЕСА Л.АНДРЕЕВА "ТОТ, КТО ПОЛУЧАЕТ ПОЩЕЧИНЫ"

А. Лерман

В пьесе можно выделить три основных мира: "общество", "цирк" и "небо".

Миры пьесы разграничиваются на основании существенных для Андреева понятий "ум" и "сердце".

"Общество" (Господин) — это мир оскверненного ума, простой расчетливости. У него нет своих мыслей (Господин живет за счет идей Тота), нет своего лица. Это мир механистический, неодухотворенный, бессердечный, но жизнеспособный и многоликий. Особое место в "обществе" занимает барон Реньяр (как высшее его проявление, как "князь тьмы") и граф Манчини (находится на стыке "общества" и "цирка").

"Цирк" (папа Брике, клоуны, Джексон, Тили и Поли) — это мир людей искусства, живущих просто и чисто, по велению сердца. "Цирк" стремится отгородиться от "общества", но вынужден сосуществовать с ним. Мира "неба" "цирк" не знает. Особое место в мире "цирка" занимает Зинаида и Безано.

Представителями "неба" являются Тот и Консуэлла. Тот приходит к высшему знанию, к прозрению неба через высокую культуру, через "ум", сохранив и "сердце". Консуэлла же ничего не знает, она может лишь вспомнить "небо", пробудившись от земного сна.

Мир высших ценностей, мир "неба" оказывается нежизнеспособным и обречен на трагическую гибель.

1. В работе сделана попытка проследить эволюцию урбанистической темы в творчестве раннего Маяковского, показать противоречия между образами поэта и буржуазного города, отношение лирического "я" к "трем единствам" (природе, вещам, толпе), которые связаны с миром "города-спрута".

2. Город у Маяковского портит природу, она теряет свою первозданность, святость. В трагедии "Владимир Маяковский" старик, которому несколько тысяч лет, который видел настоящую природу, не изуродованную "шпальцами" города, говорит: "А свечи и лампы в галдящем споре, покрыли шепоты зорь..."

Анализируя стихи Маяковского, можно выделить несколько основных аспектов влияния города на природу:

- а) природа страдает, угнетаемая городом: "Дождь изрыдал тротуары", "На небе красном как марсельеза, /вздрагивал, околевая закат."
- б) Город развращает природу: "Сады похабно развалились в июне."
- в) Город губит природу: "Крикнул аэроплан и упал туда, /где у раненого солнца вытекал глаз."
- г) Природа становится злой, мстит городу и человеку, создавшему это "адище": "Туман с кровожадным лицом каннибала / жевал невкусных людей".
Ночь у Маяковского: "Пришла. Пирует Мамаем, / задом на город насеv."

3. Для урбанистической поэзии Маяковского характерны вызов толпе, ее обличение.

У Маяковского чувствуется тоска о потере человеческой личности в городе, попытки остановить ее разрушение, не выводя, однако, героев из города.

4. У Маяковского в этот период очень противоречивое отношение к вещам. Вещи делятся на причиняющие людям зло и страдающие от людского зла. К причиняющим зло поэт относит "рыжих дьяволов - взмыленные автомобили", "ванну", "теплый клозет", "квартирную яму". В стихотворении "Из улицы в улицу" чувствуется крик человека - раба вещей: "Мы завоеваны! / Ванны. / Души. / Лифт."

Это - вещи, связанные с представлением о быте, о буржуазном комфорте, то есть вещи для удобства. Какие же вещи страдают? Это вещи для души, музыкальные инструменты: "скрипка", "труба", "пианино". Маяковский отождествляет их с человеком.

5. В период войны 1914 года отношение к городу у Маяковского значительно изменилось. Маяковский оптимистически уверен, что "каторжане города", у которых "душ золотые россыпи", могут создать и создадут разумный город будущего.

ПРОБЛЕМЫ КОМПОЗИЦИИ И СТИЛЯ "ОДЕССКИХ РАССКАЗОВ" И. Э. БАБЕЛЯ
И. Розенфельд

Как можно охарактеризовать художественную специфику "Одесских рассказов" Бабеля? Правильно ли определять их как "юмористические", "пародийные", "бытовые"? Исследователи сравнивали бабелевские зарисовки с рембрандтовскими полотнами; его телеграфный лаконизм, полный "дикой энергии" (Роллан), возводили к традициям прозы Чехова, ведущим к Хемингуэю.

Цель нашей работы - выделить некоторые константы "уровня" композиции, уровней "фразы" и "слова", присущие каждому рассказу цикла и цементирующие их в единое целое; попытаться проанализировать взаимодействие названных уровней в тексте, выявить доминирующие. Это позволит оценить существующие концепции "Одесских рассказов".

1. "Забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень".

Объект изображения в "Одесских рассказах" - замкнутый и вычлененный топос - мир старой Молдаванки. Его атрибуты: яркая декоративность, подчеркнутая непохожесть на будничную жизнь, необычность.

Это - солнечный оазис в сером, скучном мире. Он живет по своим законам, говорит на своем языке.

Он здесь и не здесь. Он подчеркнуто этнографичен - это мир "Листригонов" Куприна, "Сказок об Италии" Горького. Но это и мир романтически высокий, где нет "обычного" быта, где реальные, бытовые детали окрашены гиперболической патетикой. Он реален географически и, вместе с тем, нереален. (Ср. Лисс А. Грина, раннее творчество Паустовского, Катаева и др.). Это - мир народный, мир раблезианских пиров, своеобразной героики, острого юмора и карнавального веселья, мир предельно выраженной, яркой личности.

2. "Мине нарушают праздник".

Сюжет в цикле всегда строится на вторжении внешнего мира в описываемый целостный мир (полицейская облава в "Короле" и др.).

Возможны два типа развязки: отпор "вторжению" (налетчики поджигают полицейский участок) или "всасывание" миром Молдаванки "инородного тела" (Цудечкис из рассказа "Любка Казак" остается служить в кабаке). В обоих случаях возвращается утраченное равновесие.

Чрезвычайно существенно, что проникновение реальности в этот подчеркнуто-необычный мир (реальности любой: социальной, биологической, бытовой) - рассматривается как нарушение его целостности, как внесение в него противоречия. Более того: простое статичное описание "реального" равнозначно мощной динамике вторжения внешнего мира. И то и другое в "Одесских рассказах" является событием (ср. мысль Ю. М. Лотмана о событии как прорыве границы семантического поля). Отсюда - огромная активность реалистической детали в цикле (ср. замечание Н. Степанова о том, что фабула у Бабеля "не только в событиях, но и в соотношении словесных ассоциаций и стилевых пластов").

Необходимо иметь в виду и то, что Бабель часто дает реалистическую деталь словами внутреннего, веселого мира, что рождает дополнительные оппозиции, накладывающиеся друг на друга: между "описываемым" и "описанием", "реальностью" и "нереальностью", "страданием" и "весельем", "смертью" и "жизнью" и др. (ср. царски пышные, сказочные похороны и образ рыдающей, всклокоченной старушки - матери убитого).

3. "Кладите себе в уши мои слова. Все, что я видел, я видел своими глазами..."

Описания в "терминах" внутреннего мира вещей, посторонних для него, - не случайность, а результат некоторой более общей закономерности построения цикла: "точка зрения" и "точка оценки" рассказчика находятся внутри изображаемого мира. Рассказчик видит все происходящее изнутри, оценивая его на языке Молдаванки.

В этом - глубочайшее отличие "Одесских рассказов" от "Конармии". Там именно резкий разрыв между внутренней пространственно-временной "точкой зрения" и остраненной

"точкой оценки" — основной композиционный контраст, несомненно имеющий мировоззренческие корни.

В "Одесских рассказах" внутренняя точка оценки — типологическая константа. Не случайно более поздние рассказы "одесской" тематики ("Конец богадельни", "Фроим Грач") не входят в цикл: в них прежние пространственно-временные отношения распадаются, точка зрения "отчуждается", и сказочный мир старой Одессы исчезает, подобно тому, как уничтожается волшебная сказка, если ее мир оценивать с точки зрения правдоподобия (социальной и исторической конкретности и пр.).

Поэтому в "Одесских рассказах" не может идти речи ни о какой "пародии" или "пародийном" стиле¹; можно говорить только об иронии, легкой, сказочной, как бы уравновешивающей безудержный гиперболизм изображения.

4. "Беня говорит мало, но Беня говорит смачно. Беня говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще".

Сжатая, предельно уплотненная проза Бабеля подчас строится по стиховому принципу (так, абзац в ней можно, пожалуй, анализировать как строфу). Не случайно инструменты "библейской" патетики и даже юмора в цикле — стиховые: повтор, анафора и др.

Стиховые принципы построения проникают в более высокие уровни. Можно даже поставить вопрос об изоморфности структуры абзаца и композиции целого рассказа у Бабеля.

Со всем этим связана особая роль уровней "фразы" и "слова" в тексте (создание юмористического эффекта при столкновении разных стилистических пластов лексики и нарушении лексической нормы; роль инверсий, особая функция афоризмов и пр.).

Яркий и выпуклый "одесский" юмор Бабеля не только генетически, но и типологически связан с юмором Ильфа и Петрова. Юмор этот во многом определяет колорит "Одесских рассказов", но к нему не сводится их художественная специфика.

РОЛЬ ДРАМАТУРГИИ Н.В.ГОГОЛЯ В РАЗВИТИИ РУССКО-ЭСТОНСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Х.Пуллерите

Постановками пьес Н.В.Гоголя на эстонской сцене начинается новый этап в развитии русско-эстонских театральных связей.

Впервые эстонский театр обратился к драматургии Н.В.Гоголя в 1894 г., когда драматическим коллективом Петербургского эстонского благотворительного общества была поставлена "Девятка". 9 апреля 1895 г. тот же коллектив осуществил постановку "Ревизора". Любители очень тщательно готовились к спектаклю. По сведениям газеты "Ээсти Постимес" (14.IV 1895, № 15), постановкой пьесы руководил режиссер одного из петербургских русских театров. Костюмы были взяты напрокат из гардероба того же театра. Как отмечают рецензенты, в спектакле был использован опыт (в частности, хронометраж отдельных сцен) постановки "Ревизора" в "столичном императорском", т.е., по-видимому, в Александринском театре. Это первый известный нам случай непосредственных театральных связей между двумя народами — русскими и эстонцами.

Лучшие постановки пьес Гоголя в русском театре были образцами для эстонских режиссеров при интерпретации произведений русского драматурга на эстонской сцене, в частности, для П.Пинны при постановке "Ревизора" в театре "Эстония" в 1908 г. и для П.Пильдроза в 1936 г. П.Пинна, вспоминая постановку 1908 г., писал: "Названное произведение оказалось столь значительным и сложным, что я не осмелился сам, основываясь на своем малом опыте, взяться за постановку, и сперва съездил в Петербург, чтобы посмотреть, как поставлена и сыграна там пьеса великого русского классика" ("Уус Ээсти", 26.I 1936, № 25). Наблюдения над исполнением этой роли Давыдовым помогли Пинне создать в постановке "Эстония" тонко выверенный образ Горюничего. "Ревизор" стал одной из самых удачных постановок театра. Спектакль шел больше десяти раз в течение одного сезона, вместо обычных двух-трех. "Эстония" выступала с

"Ревизором" на гастролях в Риге и Пскове, в Тарту и Вильянди, в Нарве и Валге.

"Ревизор" в постановке П.Пылдроза отличался от традиционных постановок этой пьесы. В сценической интерпретации Пылдроза чувствуется влияние знаменитой мейерхольдовской постановки, с которой он познакомился во время поездки в Советскую Россию в 1935 г. Несмотря на то, что постановка Мейерхольда в целом не удовлетворяла Пылдроза, некоторые приемы этого спектакля он использовал в работе над "Ревизором" в "Эстонии". Прежде всего, Пылдроза заинтересовала работа Мейерхольда над текстом пьесы. Последовав примеру Мейерхольда, он добавил к общеизвестному каноническому тексту "Ревизора" отрывки из неизданных вариантов пьесы. Так, в постановке появился новый персонаж — Губнер.

Большую помощь оказало Пылдрозу исследование С.Данилова "Ревизор" на сцене" (Л., 1934), которое он привез из поездки. Из этого исследования Пылдроз почерпнул кое-какие идеи, важные для интерпретации отдельных ролей пьесы, в частности, Осипа, и отдельных сцен, в том числе финала спектакля. В последнем действии Городничий произносит знаменитые слова: "Чему смеетесь? Над собою смеетесь!". Перед этой сценой Пинна, исполнявший роль Городничего, старался обязательно вызвать у публики сильный смех. Когда Пинна достигал цели, он выходил к рампе, в зале зажигался свет, и артист произносил свою реплику, обращаясь непосредственно к публике. Эффект был потрясающий. Также был поставлен финал "Ревизора" и на сцене Московского Художественного театра 1921 г.

В эстонском театре постепенно складывались свои традиции постановок пьес Гоголя, традиции, которые были заложены в петербургских эстонских обществах и продолжали развиваться в Эстонии. 1 октября 1895 г. в "Ванемуине" была поставлена "Женитьба", с нее начинается триумфальное шествие этой пьесы в Эстонии.

II.

Т е о р и я л и т е р а т у р ы

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ЦИТАТЫ В РОМАНЕ

Ю. ТЫНЯНОВА "ПУШКИН"

В. Емельянов

Скрытое цитирование¹ — субъективное использование автором "чужого слова"² без ссылки на источник.

Цель работы — выявление всего состава цитат и восстановление круга цитируемых источников, определение способов включения "чужого текста" в "свой" и характера его трансформации, выяснение художественной функции цитаты в романе Тынянова.

Цитатность — один из основных структурных принципов романа — диктуется общей установкой писателя на "понимание прошлого изнутри", на изображение истории, "взятой интимно"³, на достижение того, что сам Тынянов называл "ощущением подлинной правды".

Цитата у Тынянова ассоциируется с текстом-источником, существует одновременно в двух контекстах, и потому функция цитаты определяется характером отношений цитируемого и цитирующего текстов.

При совпадении этих значений цитата становится средством расширения и обогащения семантики текста за счет дополнительных литературных ассоциаций, возникающих в связи с "чужим словом". Это достигается:

1. Восстановлением "пропусков" в цитате: "Милена с ним <Державиним — В.Е.> еще года два назад вздорила: он не мог видеть без биения сердца, как у женщин ро-

¹ См. об этом: Г. Левинтон. К проблеме литературной цитации. — В сб.: Материалы XXVI научной студенческой конференции. Тарту, 1971, с. 52-54, 55-57; З. Г. Минц. Александр Блок и русская реалистическая литература XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тарту, 1972 и др.

² О проблеме "чужого слова" см.: В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. Л., "Прибой", 1929; М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972; Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 106-113.

³ Б. Эйхенбаум. Творчество Ю. Тынянова. — В кн.: его же. О прозе. Л., 1969, с. 473.

зовеет кровь сквозь голубые жидки — своеобразный и неполный пересказ державинского:

Как сквозь жидки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?

2. "Подключением" к основному тексту отдельных текстов-источников (такова роль конкретной отсылки к алеггии "Погасло дневное светило..." в финале романа) или определенной системы стиля, культуры чувствования. Сигналом этого типа внетекстовых связей является слово-тема: «...» комната была все та...» Он назвал ее в стихах кельер, себя — пустынником, а в другом стихотворении — инвалидом...» Теперь он был юноша-мудрец, писал о дени, о смерти...» о деве в легком прозрачном покрывале" и др.

При расхождении значений основного текста и текста-источника цитата превращается в один из приемов создания и обнаружения иронии (см. переосмысленное употребление идилических "мирной жизни" и "деревенской тишины", ассоциирующихся с сентиментально-романтической традицией вообще и лирическими отступлениями I главы "Евгения Онегина" в частности: "Сергею Львовичу мирная жизнь в Захарове да и самое Захарово очертели. Он не был рожден для сельской тишины", или явно пародированное использование возвышенно-поэтического в системе сентиментализма образа "сродственных душ": "Больше всех подружился он <Василий Львович — В.Е.> с Александром Тургеневым, с которым нашел какое-то сродство душ: молодой Тургенев был охоч до еды, хлопотлив, непоседлив и мил, с висячими щеками и обширным животом" (в данном случае цитата восходит одновременно к двум источникам: "О симпатии" Виланда и письмам М.Н. Муравьева сестре, Ф.Н. Муравьевой). Существенную роль играет способ передачи "чужого слова":

1. Цитата скрытая, неоформленная, пунктуационно не выделенная.

2. Пересказанная цитата, наиболее влиявшая во вторичный текст.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЦИТАЦИИ

Г. Левинтон

1. Некоторые "научные" подтексты Манделштама были рассмотрены нами в работе о стихотворении "На каменных отрогах Пиэрии" (в частности, "Историческая поэтика" Веселовского). Здесь нам пришлось столкнуться с темой, отмечаемой почти всеми исследователями, — темой связи языков и культур, многочисленными сближениями греческой, латинской, итальянской, немецкой речи и культуры с русской культурой и языком (русская речь как наследник греческой культуры, "чужеземных арф родник" в русском языке и др.). Причем, как правило, одно из таких сближений влечет за собой другое.

2. Естественно предполагать, что одним из источников этой темы, помимо концепции единой европейской культуры, является и языковое родство индоевропейцев. Особенно показательна в этом отношении строфа, в которой Брейд справедливо видит "лингвистический подтекст":
"А я пов вино времен / Источник речи италийской / И в колыбели праарийской / Славянский и германский лед".
Очевидно, что речь здесь идет об этимологическом тождестве славянского и германского названий льда (а также и вина, причем, в русском языке это слово считалось германским заимствованием). На фоне ряда "русско-германских" сближений в "Зверинце", откуда взята эта строфа ("И станет полноводней Волга / И рейнская струя светлей" и др.), эти строки приобретают особую значимость, и их "лингвистический подтекст" (особенно терминология индоевропеистики — праарийская колыбель — ср. проблему прародины; италийский — слово, употребительное в первую очередь в лингвистических работах) может стать существенным компонентом в объяснении общекультурных концепций Манделштама. Сближение именно русского и германского может объясняться гипотезой славяно-германского (балто-славяно-германского) языкового единства; так, в "Разговоре о Данте" итальянская речь противопоставлена "германской шипучести и славянской какофонии" — ср. тему

Бозе в "Египетской марке" (Д.М.Сегал, Л.Я.Гинзбург) и баттлковские ассоциации этой темы (В.Н.Топоров).

3. Несмотря на второстепенность этого вопроса, интересно все же выяснить непосредственные источники "индоевропейской тематики"; следует отметить, во-первых, что ко времени написания этого стихотворения уже существовал словарь Преображенского, во-вторых, кажется, следует обратить внимание на вышедший в 1913 г. перевод книги О.Шрадера "Индоевропейцы". Шрадер упоминает о родстве германского и латинского названий льна (с.46), ср. также греч. λίνον (ср. в "Трех главах из исторической поэтики" Веселовского, - знакомство Манделштама с этой работой можно считать доказанным, - упоминание греческой хороводной песни о Лине и нескольких страницах ниже - русских игровых песен о льне - второй раздел I главы). Здесь также специально рассматривается слово вино, причем, утверждается, что немецкое wein - латинское заимствование ("перешло в Германию вместе с римской виноградной культурой и латинским названием vinum - с.77), ср. здесь же о родстве латинского и греческого названия вина. Иначе говоря, здесь указывается италийский источник немецкого названия вина, поэтому можно думать, что слово источник употреблено у Манделштама не только в "бытовом", но и в лингвистическом смысле. С другой стороны, вино, как источник речи, на фоне ряда других текстов (рассмотренных нами в указанной работе) связано с мотивом меда поэзии, который у Манделштама восходит как к греческому, так и к скандинавскому (эддическому) мифу. Поэтому важна связь цитированной строфы с "Валгалы белое вино" в стихотворении "Когда на площадях", - при этом речь идет не (только) о скандинавских, но (и) о континентальных германцах, - ср. упоминание рейнвейна¹ (ср. в поздних стихах соседство слов мозельвейн и Валгала). В этой связи становится значимым, что у Шрадера целая глава посвящена индоевропейскому

¹ Ср. в "Зверинце": "И реинская струя светлей" и "И светлый облик северного мужа / Напоминает нам оно" (= "Вино Валгалы").

опьяняющему напитку, причем рассматриваются названия меда и в индоевропейских языках, территория распространения меда и пчелы (ср. работу Тарановского "Пчелы и осы в поэзии Манделштама") и утверждается, что мед был первым опьяняющим напитком (с. словосочетание "прародительский мед" - с.76 и замечание об особой роли меда у русских - с.74). Тем более важно, что глава начинается с обзора классических свидетельств о пьянстве у германцев, причем, цитируются стихи римской антологии: "Средь неистовых hails" и криков о пиве и мясе, / Кому и на ум придет писать разумные строфы / В пару с разнузданным Вакхом боится идти Каллиопа" (с.70), ср. "Но северные скальды грубы¹ / Не знают радостной игры / И северным дружинам лобы / Янтарь, полярны и пиры" - ср. у Шрадера сближение гот. druggan др.-верх.-нем. trucht с русск. дружина (с.118).

4. То, что "славянский и германский лед" отнесены к "праарийской колбелы", может соотноситься не только с реконструкцией славяно-германского единства, но и с помещением индоевропейской прародины в район нынешнего распространения славян или германцев (в связи с отмеченными упоминаниями Рейна - ср. Рейн, как западная граница территории, на которой могла находиться прародина индоевропейцев, у Шрадера - с.192, 204). Отметим, что "светлый облик северного мужа", с которым сравнивается "Валгалы белое вино", может относиться к антропологическому признаку германцев, ср. при этом (об облике индоевропейцев в период единства): "внешность были скорее северяне, чем вләне, т.е. скорее <...> светловолосы, нежели чернявые" (с.32), - в частности, это - выделение общего признака славян и германцев, как и слово северный (ср. край Гипербореев о

¹ Латинский источник здесь очень вероятен, эта строка, если даже не интерпретировать ее "географически", как указание на точку отсчета (ср. пушкинское "далеко на севере в Париже), во всяком случае моделирует "классическое" восприятие варваров-германцев.

Петербурге, а также сравнение русских со скифами - варварами, в противопоставлении Риму в стихотворении "О временах простых и грубых"). Возвращаясь к "источнику речи италийской", отметим предположение о движении италийцев с севера на юг (с. 27).

5. Мы не пытались доказать, что именно книга Шрадера была источником для Мандельштама, однако из сказанного видно, что смысл некоторых мест у Мандельштама проясняется при предположении "лингвистического ("индоевропейского") подтекста". Книга Шрадера может быть просто представителем некоторого класса источников, типа популярных сведений о индоевропейской проблематике в 1910-х гг., и на основании сказанного можно утверждать, что с каким-то подобным источником Мандельштам был знаком (впрочем, что, что таким источником действительно была указанная работа, вовсе не невероятно).

МЕТРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ А.А.ДЕЛЬВИГА

Я.Курсите

1. Существенное свойство поэзии А.Дельвига - ориентированность на стилизацию. Стилизация эта - не подражательность; обращение к определенным культурным традициям поэтически осознанно и не только не скрывается от читателя, но и нарочито выпячивается (ср. позицию В.Жуковского).

2. Стилизации Дельвига строго определенным образом соотносятся с воссоздаваемой традицией:

- а) воспроизводится типичный для этой традиции круг тем;
- б) подчеркивается, выступая на передний план, национальный колорит "стилизуемой" культуры;
- в) за каждой из воспроизводимых традиций закрепляется определенный метр, который должен, очевидно, быть иконическим отображением метра объектов стилизации, на деле же, как правило, оказывается их конвенциональным и традиционным для русской поэзии нач. XIX в. знаком.

3. Основные направления поэзии Дельвига определены:

- а) ориентацией на античность (в плане метра - гекзаметр, трехсложники);
- б) ориентацией на "народную песню" (русскую; в плане метра - хорей);
- в) ориентацией на литературную традицию поэзии пушкинского времени (в плане метра - ямба как господствующий размер). Впрочем, эту струю лирики Дельвига, в плане ее метрических характеристик, можно считать и тем нейтральным фоном, на котором отчетливее выделяются две предшествующих (ср. роль ямба во всей русской поэзии последомоносовского периода).

4. В результате соотнесения метрического облика трех рассмотренных направлений поэзии Дельвига формируются некоторые характерные черты его метрики в целом:

- а) большая, по сравнению с поэзией Пушкина, Баратынского, роль трехсложников;
- б) отсутствие явного преобладания КЛ над НКЛ, типичного для линии Пушкин-Баратынский;
- в) уменьшение удельного веса ямбов (см. табл. 3).

5. Метрический репертуар Дельвига претерпевает известную эволюцию. До 2-ой половины 1820-х гг. хорей в его поэзии был строго прикреплен к жанру песни ("русские песни", романсы и т.д.). Начиная, примерно, с 1824 г. роль хорея ощутимо возрастает, а его жанрово-экспрессивный ореол расширяется (ср. хорейские эпиграммы, сонеты и т.д.). Напротив, "русские песни" 1824-31 гг. часто написаны ямбом или анапестом.

TRU Raamatukogu

ВРЕМЯ И РИТМ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
"ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ"

И. Попова

1. Соотношение классических размеров в МК у Дельвига¹

П	С	Я		всего		Ам		Ан		Д		всего		ПС2	всего		
		П	С	П	С	П	С	П	С	П	С	Ам	Ан		Д	П	С
32	839	100	2656	132	3495	8	163	5	129	2	32	15	324	1	24	148	3843
16,8	16,2	52,7	51,4	69,5	67,6	4,2	3,2	2,6	2,5	1,0	0,6	7,9	6,3	0,5	0,5	77,9	74,4
17,0	16,6	53,2	52,4	70,2	69,3	4,3	3,2	2,7	2,5	1,1	0,6	8,0	6,4	0,5	0,5	78,7	76,1

¹ 1-ая цифра по вертикали - показатель, выраженный в натуральных числах,
2-ая - показатель в % от всего материала (МК + ПК), 3-я - показатель в % от всех МК.

² П - произведения

³ С - строки.

2. Соотношение КЛ и НКЛ в МК и ПК у Дельвига

МК	КЛ		%	
	КЛ	НКЛ	3843	75,9
всего МК	5061	1218	100,0	24,1
ПК	КЛ		%	
	КЛ	НКЛ	84	87,5
всего ПК	96	12	100,0	12,5

3. КЛ размеры у Пушкина, Баратынского и Дельвига

	Я		Х		Ам		Ан		Д		всего	
	П	С	П	С	П	С	П	С	П	С	П	С
Пушкин	78,0	83,7	12,8	10,6	1,7	0,7	0,4	0,1	0,9	0,6	93,8	95,6
Баратынский	88,0	93,1	7,0	3,3	2,1	1,8	0,4	0,1	-	-	97,5	98,3
Дельвиг	53,2	52,4	17,0	16,6	4,3	3,2	2,7	2,5	1,1	0,6	78,7	76,1

1. Словесное искусство есть особая форма освоения реальной действительности и реального времени. В связи с этим, проблема исследования художественного времени выдвигается в ряд наиболее актуальных проблем в литературоведении. Несомненный интерес представляют собой произведения художественной прозы XIX века, в частности, романы Ф.М. Достоевского, в которых кажущаяся "надвременность" повествования продиктована желанием "уяснить факт" в его всезначимом содержании.

2. Время как философская категория. Неотождественность времени реального и времени отраженного; точки их пересечения. Формы отраженного времени как манипулятивные операции человеческого сознания над временными процессами в соответствии с определенной целевой установкой на адекватность отражения. Художественное время - специфическая форма "хранения" и развития реальных пространственно-временных трансформаций.

3. На материале романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" можно выделить такие уровни времени:

а) время на уровне главы;

б) время внутри главы (внутриглавное время).

Время на уровне главы всегда поступательно, не отягощено экскурсами в прошлое и будущее - оно сценично. Временные отношения здесь можно выразить следующим образом:

$$n + (d_1 + d_2 + \dots + d_n) \rightarrow c \rightarrow n_1 + (d_1 + d_2 + \dots + d_n) \rightarrow c \rightarrow$$

$$n_2 + (d_2 + d_3 + \dots + d_n) \rightarrow c_2 \rightarrow n_2 \rightarrow \text{и т.д.}$$

То есть, от начала главы (n) через цепь нанизывающихся одно на другое действий (d), основное действие (как композиционный комплекс $n + (d + d + \dots + d_n)$) закономерно приближается к конечному пункту "главной" (от слова "глава") структуры (C). Начало последующей главы (n_1) составляет временную постоянную с концом предыдущей (C). События концов глав и последующих начал лежат в одной временной восходящей плоскости.

4. Роману "Преступление и наказание" присущ пласт "двойного времени" как вместилища времени "событийного" и "психологического". Во времени внутри глав присутствует сквозная временная ситуация, являющаяся скрытым двигателем художественно-поступательного процесса.

5. Рождение в эпилоге романа новой формы времени: взаимопроникновение времен друг в друга - "настоящее-будущее" - как осуществление авторской идейной программы.

6. Время как изначально ритмически организованное свойство материи сосуществует с ритмом. В художественном произведении ритм и время соотносятся с материальным носителем художественности - текстом. Текстовой ритм (τ) на уровне межглавных переходов также характеризуется определенной устойчивостью, размеренностью, обнаруживая ту же плавность перехода, что и время-хроника:

$$\tau \dots \tau' \xrightarrow{\text{const.}} \tau'' \dots \tau''' \xrightarrow{\text{const.}} \tau'''' \dots \tau^v \rightarrow \text{и т.д.}$$

На внутриглавный ритм оказывает влияние не только изменения в среде показателей зачинов и окончаний, но и характер фразового наполнения абзацев, колонового наполнения фраз и слововой объем одноколоновых предложений. Ритм внутри главы оказывается напряженнее в диалогах. Автор стремится к большей объективизации событий, что делает его речь более замедленной, нейтральной. Она заряжается потенциалом напряженности лишь в действиях, непосредственно приближенных к

кульминациям. Вся словесная ткань романа, в силу этого, становится широким полем для сосуществования различных ритмических структур и их столкновений.

Общая ритмико-временная формула:

$$\tau n + (d + d + \dots + d_n) \rightarrow c \tau' \rightarrow \tau'_1 [n + (d_1 + d_1 + \dots + d_n)] \rightarrow c_1 \tau'' \rightarrow \tau''_2 [n + (d_2 + d_2 + \dots + d_n)] \rightarrow c_2 \tau''' \text{ и т.д.}$$

О СПЕЦИФИКЕ МОРФО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Б. Минералов

1. Понятие морфо-семантического уровня во вторичной системе поэтического языка до сих пор оставалось вне конкретного изучения. Между тем, оно резко отлично от соответствующего понятия в естественном языке.

2. Уникальный материал для выяснения специфики морфо-семантического уровня в поэтических текстах дает явление т.н. звуковых повторов. Рассмотрим три примера:

(1) Вот буйственно несет ураган,
И лес подьметлет говор шумный.
И пенится, и ходит Океан,
И в берез бьет волной безумной.

(Баратынский)

(2) Сокровище мое! Куда сокрылось ты?
(Сумароков)

(3) И глаза почему-то реза,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье,
все в скворечниках и Маевках.

(А. Вознесенский)

В первом примере повторяется элемент низшего структурного уровня слов (фонема), во втором - их смысловое ядро (корневая морфема). Третий пример особый: здесь в двух словах повторяется фонологический комплекс, границы которого не совпадают с границами морфем, составляющих это слово на уровне естественного языка. С точки зрения

внехудожественного общения, смыслового родства между созвучными частями слов "Замоскворечье" и "скворечниках" нет.

Ю.М. Лотманом показано, что фонема в поэтическом языке становится наименьшей семантической единицей. Тем самым она как бы приравнивается к морфеме. Но сложность в том, что одновременно она не приравнивается морфеме, так как получает семантику от слова и обладает ею только в составе данного слова. Морфема же имеет собственное значение уже в нехудожественном языке и сохраняет семантическую автономию в составе структуры более высокого уровня (лексема).

Вернувшись к примеру (3), приходится утверждать, что на уровне поэтического языка повторенный звуковой комплекс обладает единой семантикой, неравнозначной сумме значений составляющих его фонем, то есть является своеобразной о к к а з и о н а л ь н о й м о р ф е м о й.

3. Эта репрезентация не совпадает с распространенным обыкновением представлять подобный повтор как повтор цепочки фонологических единиц. Но оба подхода отнюдь не исключают друг друга, отражая различные возможные прагматические точки зрения. Правомерность предлагаемой репрезентации в том, что повторение, само по себе демонстрируя цельность фонологического комплекса, заставляет предполагать его целостность, то есть видеть в нем не только совокупность единиц, но и единицу. Эта единица принадлежит уровню более высокому, чем фонологический.

4. Окказиональную морфему можно в рабочем порядке определить как всякое фонемосочетание, целостность которого демонстрируется хотя бы однократным повторением. Поскольку звуковой повтор выделяет в слове целостности, зачастую не совпадающие с его общеязыковым разделением на морфемы, семантика таких единиц целиком окказиональна. При этом морфо-семантическому уровню в художественной

структуре принадлежит, по всей вероятности, уже повтор в словах более чем одной фонемы, причем фонемы эти могут быть не соседствующими — это вполне подходит под принятие в лингвистике определения морфемы (напр., Gleason, 1955). Ср. в этой связи подобный разорванный комплекс, содержащийся в 1,2 стихах примера (3).

5. "Только" фонологическому уровню принадлежит лишь повтор одной фонемы (1), примеры (2), (3) относятся уже и к уровню морфем. Соответственно, их семантическая интерпретация должна осуществляться с двух точек зрения: в них следует видеть и повтор комплекса фонологических единиц, и повтор единицы (морфемы).

6. Специальную проблему составляет корреляция, возникающая в подобных случаях между общеязыковым разделением лексем на морфемы и окказиональными морфо-семантическими единицами.

7. Для поэтических текстов XIX в. функционально отмечен повтор отдельных фонем. Случаи морфемных повторов, не образуя системы, явно не осмысливались художниками как повторы единиц, принадлежащих более высокому уровню. Морфемный повтор стал отчетливо функционален только в текстах поэтов начала XX в. (Маяковский, Пастернак, Хлебников и др.).

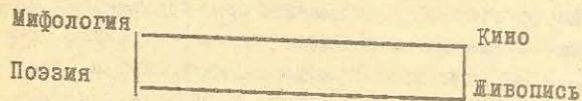
К ОПИСАНИЮ ЗНАКА КИНО

Ю. Цивьян

Язык кино обладает денотативной знаковостью. Для большинства фильмов отношение знак/денотат (изображение/изображаемое) факультативно, в то время как смыслообразующая роль принадлежит системе денотатов, т.е. собственно знаком фильма становится денотат киноизображения (Базен). В таком случае изображение приобретает все признаки индекса (ср. причисление фотографических снимков к классу знаков-индексов у Пирса), иконические же свойства киноизображения в сознании воспринимающего автоматизируются.

В этом смысле язык кино так же отличен от живописи,

как язык мифа отличается от языка поэзии. "Миф в диапазоне языкового выражения занимает место противоположное поэзии." Поэзия является типом речи, неподдающимся переводу <...> в то время как мифическое значение сохраняется и при наилучшем переводе" (Леви-Стросс). Аналогично, живопись и кино являются подлсами иконической сферы выражения: если в живописи эстетически активно отношение изображение/изображаемое, то художественные значения фильма образуются на уровне собственно изображаемого и зависят от структуры денотатов. Соответственно, словарь мифа и фильма метонимичен по отношению к словарю действительности (ср. "бриколаж"), в то время как живопись и поэзия акцентируют метафорический аспект знаковообразования (т.е. предмет - слово, предмет - краски и т.д.). Безусловно, как модель мира фильм метафоричен, но модель эта строится из фрагментов изображаемого мира, приобретающих в фильме статус знака. Таким образом возникает известная ситуация, в которой предмет является знаком самого себя. Рассмотрев эти отношения, приходим к следующей системе:

Верхняя горизонталь соответствует знаковости вербальных (мифология) и иконических (кино) денотатов, нижняя - знаковости слов и изображений, т.е. знаков "по преимуществу". Левая вертикаль объединяет мифологию и поэзию как способы лингвистического выражения с денотативной и вербальной знаковостью соответственно, правая - иконические искусства с денотативной (кино) и иконической (живопись) знаковостью. Верхняя горизонталь противопоставляется нижней и по принципу построения словаря: метонимическому в случае мифологии и кино, метафорическому в поэзии и живописи.

Эти закономерности представляются важными как для построения кинотекста (ср. "Монтажная форма как структура есть реконструкция законов мысленного хода", - Эйзенштейн), так и для функционирования его в культуре.

ПОЭТИКА МЕТАТЕКСТА.

(Глоссы и примечания в художественных произведениях XVIII в.)

О. Лейбман

В текстах XVIII века часто содержатся разного рода добавления, сопровождающие основной текст, но не входящие в него. К их числу следует отнести примечания, которые в XVIII веке были обычным компонентом не только научного, но и художественного текста. Так, например, Тредиаковский, Кантемир снабжают свои труды обширными пояснениями, Державин пишет в конце жизни своеобразный "ключ" к созданным им произведениям.

Эти включения, несомненно, имеют давнюю традицию и восходят по форме к надписям на полях рукописной книги - т.е. "произвольникам". Произвольники XVIII в. нередко носили характер глосс, т.е. поясняли какие-то определенные моменты, слова текста эквивалентными им словами, понятиями, выступавшими в контексте как семантически взаимозаменяемые. В XVIII в. наряду с примечаниями типа глосс ("Тилемахида" Тредиаковского) появляются примечания другого характера, которые призваны не пояснить текст синонимически, а объяснить метатекстовым способом (примечания Кантемира к своим собственным сатирам, сноски, встречающиеся в журнальных вариантах стихотворений; такого рода надписи существуют не как вариант текста, а сопутствуют ему, представляя собой описание).

Если глоссы выполняют функцию указания на многомерность текста, то примечания второго типа, с одной стороны, указывают на многозначность, и, с другой, ограничивают число значений, интерпретируя текст определенным образом.

Это в какой-то степени объясняется дифференциацией в ХУШ в. течек зрения на текст, тогда как средневековая книга (речь идет преимущественно о сакральных текстах) считалась "богодохновенной". Текст создавался и воспринимался не как авторский и, следовательно, зависимый от индивидуального произвола, но как единственно данный. (Варианты сакральных текстов, помещаемые справщиком на полях, рассматривались как равнозначные, как один текст, существующий в нескольких ипостасях¹).

С расхождением универсальной позиции "создателя" на авторскую и читательскую появляется характерная для ХУШ в. тенденция дешифровки текста и рождается тип "описательно-го" (дескриптивного) комментария. Такой комментарий мог исходить как от читателя (ср. развившийся позднее жанр критической статьи²), так и от автора (ср. распространенное обращение автора "к самому себе" в ХУШ в. и в принципе появившаяся возможность авторского обращения — хотя бы в жанре оды).

¹ С этим явлением интересно сопоставить факт, порожденный другой семиотической ситуацией: в черновиках авторов дается несколько параллельных вариантов стиха, которые равно значимы и взаимосвязаны для поэта (отсюда — возникновение таких двойственных стихотворений — "близнецов" как, например, "Я слово позабыл, что я хотел сказать..." "Вы помните, как бегуны..." Мандельштама или "Темы и вариации" у Пастернака), а выбор одного из них ограничивает возможность интерпретации, переводит семантику на другой уровень.

² Ср. "Критические примечания генерал-майора Болтина на первый и второй том истории князя Щербатова", т. I—II, СПб., 1793—1794; "Примечания на историю древних и нынешних России господина Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным", т. I—II, СПб., 1788. Poleмический характер этих примечаний вводит нас в истоки рождения критической статьи как жанра. Напомним другой характерный факт — рождение русской журналистики из жанра примечаний — появление в 1728 г. "Месячных исторических, генеалогических и географических примечаний в "Ведомостях" — организация Миллером расширенного комментария к "СПб. Ведомостям".

Видимо, культуре ХУШ в., рожденной в обстановке социальных катаклизмов, вообще, свойственно формальное расхождение семантического поля, когда становится особенно важен "ключ" к тексту (ср. "ключ" к образам в стихотворениях футуристов: например, к образу "темног кружало" в сборнике "Зачичка" — дается эноска "ночь", выступающая здесь как факт метаязыка и явно рассчитанная на позицию читателя).

Иллюстрацией к сосуществованию двух типов примечаний могут служить заглавия. Заглавие — это тот же комментарий, но относящийся не к единицам текста (ср. закрепленные за конкретными местами сноски), а к целому. Заглавие ХУШ в. часто представляет собой своего рода развернутую экспозицию тексту с указанием автора, времени и места создания, издания и типа текста (ср. сходные по функции современные аннотации или титульные листы). Нередко указания на имеющиеся в тексте примечания также выносятся в заглавие, что придает факту комментирования особую значимость. (Ср. многочисленные "объяснения" и "изъяснения" фейерверков и иллюминаций в печатных изданиях ХУШ в.; ср. также заглавия такого типа, как кантемировское "Квинта Горация Флакка десять писем первой книги переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены... от знатного некоего охотника до стихотворства с приобщением при том письмом о сложении русских стихов"¹ или "Аргенида повесть героическая сочиненная Иоанном Барклаем а с латинского на славно-русский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василия Тредиаковского профессора элоквенции..."²).

Заглавия-описания можно сопоставить с заглавиями назывного типа. Название, данное автором ("Война и мир",

¹ "Квинта Горация Флакка...". СПб., 1744.

² "Аргенида повесть героическая...", т. I—2, СПб., 1751.

"Идиот", "Tristia"), выступает как эквивалент текста, то есть носит характер глоссы ко всему произведению в целом (в отличие от локальных глосс). Можно думать, что глоссы есть в некотором смысле проявление мифологического сознания, оперирующего понятиями тождества, в отличие от понятий перевода, свойственных сознанию дескриптивному. (См. Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский "Миф-имя-культура" - в печати).

Существенно важное значение приобретают средства языка, на котором сделано примечание - будь то метаязык дескриптивного примечания или внутритекстовой семантический код глоссы. Комментарий может быть выражен в иной знаковой системе, нежели текст. Например, очень часто семантическое соответствие между графическим и словесным текстом, один из которых выступает по отношению к другому как примечание (обычно - в научном тексте) или глосса (см. иллюстрации в современной книге и подписи к ним, лубок, клейма икон). Локализация графической параллели подчеркивается соотносительной композицией глосс и текста - ср. вклейку иллюстраций без подписи между страницами или картинки, перемежающиеся со словами в детской книжке. Можно предположить, что особые графические формы текста - стихи в виде звезды, сердца, креста у Симеона Полоцкого ("Оред российский", "Рифмология") или в современной поэзии (например, у Аполлинера) являются мифологическими глоссами к словесному тексту, выраженными в графической системе знаков, и тождественны заглавию-названию, данному в системе словесных знаков.

ЗАБОЛОЦКИЙ И ДЕРЖАВИН

(К проблеме цвета и света)

Н.Паньшина

Цель данной работы - исследование спектра Заболоцкого и Державина в связи с общими проблемами художественного мышления поэтов и в контексте цветовой гаммы современной им поэзии.

Анализ свето-цветовой стороны поэзии Державина и Заболоцкого позволяет обнаружить:

1) совпадение цветовой гаммы произведений обоих поэтов, а внутри спектра - преобладание одних и тех же тонов (красный, белый, черный у Державина; белый, черный, красный у Заболоцкого); близким оказывается и использование отдельных красок (синей, зеленой, черной) в процентном отношении (см. таблицу № 1).

2) Чрезвычайное богатство (и в принципе - свобода) комбинаций различных тонов, создающих пестрые цветные пятна (ср. с этой точки зрения "Евгению. Жизнь Званская" Державина и "Гомбургский лес" Заболоцкого).

Глубокие внутренние различия колорита произведений Державина и Заболоцкого проявляются в своеобразии оттенков отдельных красок и семантике цвета.

Красный цвет

В палитре Заболоцкого нет таких чисто державинских оттенков красного, как рдяный, пурпур (ср. характерные для Заболоцкого киноварь, малиновый цвет, отсутствующие у Державина). Первый период творчества Заболоцкого богаче оттенками красного (румяный, алый, малиновый, пунцовый, киноварь), которые практически исчезают в творчестве позднего Заболоцкого, представляющем собой диалог-спор розового (в значении, совпадающем с державинским; цвет здоровья и счастья, "благоволения и прелести"¹) с красным, неизбежно ассоциирующимся у Заболоцкого с миром разрушения и смерти: "И большеглазых розовых детей Опять мелькнули радостные лица." ("Урал", 1947) "Так бей, звонарь, в свои колокола! Не забывай, что мир в красной пене!" ("У гробницы Данте", 1958) (Ср. наиболее характерное для Державина употребление этого цвета, связанное с традицией предромантического пейзажа: "Красная луна блистала / Чрез покровенный ночью лес" - "На выздоровление мецената").

¹ И.В.Гете. Учение о цветах. В кн. (сокр.): Избранные сочинения по естествознанию. М.-Л., 1957, с. 318.

Белый цвет

Чисто **"белый"**, преобладавший у Заболоцкого и покрывающий многие оттенки этого цвета (**жемчужный, мраморный, отчасти серебряный**) в палитре Державина, наряду с устойчивым и традиционным значением (**"Магнолия в белом уборе..."**, **"Я трогал листы эвкалипта"**, -1947; то же у Державина: **"Ложит рассыпан белый пух"** - "Осень во время осады Очкова", -1788) всего более тяготеет к образованию неких символов: **"Тут белый домик вырастает/С квадратной башенкой вверху"** - "Часовой", - 1927); **"Только тот, кто духом молод/Телом хажен и могуч, /В белоглавый грянет город /И зеленый схватит луч"** - "Зеленый луч", (1958) - сигнал мечты, сказки, **"виденья"**, сна: **"В белом домике с верандой (обредли себе привя...)"** Вскрикнул я и пробудился" - "Бегство в Египет" (1955) или страдания и смерти: **"Белым саваном укрою /Всех от мала до велика..."** Будешь белым и могучим /С медным крестиком квадратным /Спать во гробе аккуратном" - "Искушение", -(28)

Таблица № 1. Суммарная

	красный	синий	белый	черный	зеленый	желтый
Державин	29,6%	14,3%	23,8%	22,4%	7,1%	2,8%
Заболоцкий	23,1%	11,4%	27,3%	26%	5,2%	7%

Таблица № 2. Цветовой спектр Державина (XVIII - нач. XIX вв.)

года цвета	красный		синий		белый		черный		зеленый		желтый	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
70-78	I	0,9	2	3,7	-	-	2	2,6	-	-	-	-
79-90	30	29,0	II	21,6	24	29,2	16	20,5	7	28,0	I	10,0
91-1800	45	43,7	24	48,0	42	51,2	29	37,2	13	52,0	5	50,0
01-16	27	26,2	14	26,7	16	19,5	31	39,7	5	20,0	4	40,0

Таблица № 3. Цветовой спектр Заболоцкого (XX в.)

года цвета	красный		синий		белый		черный		зеленый		желтый	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
26-33	50	70,6	17	37,7	29	34,4	27	33,75	6	38,0	6	50,1
34-45	2	2,8	I	2,3	3	3,6	6	7,5	-	-	1	8,3
46-58	19	26,0	27	60,0	52	62,0	47	58,75	10	62,0	5	41,6

III.

Методика

НАГЛЯДНОСТЬ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ ИНОГО ЯЗЫКА НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ

Т. Ууккиви

1. В преподавании русского языка в эстонской школе имеются большие неиспользованные резервы, которые могут способствовать повышению эффективности труда учителя и лучшему усвоению изучаемого материала учащимися. Интенсификация обучения русскому языку в эстонской школе может быть достигнута за счет широкого и систематического использования средств наглядности.

"Наглядность есть такой целенаправленный и специально организованный показ учебного материала, который подсказывает учащимся законы изучаемого явления, в нашем случае языка — позволяет творчески открыть эти законы или убедиться в их достоверности" (В.А. Артемов).

В методике обучения иному языку различают предметную и языковую наглядность. Предметная и языковая наглядность имеют свои подвиды. Следует отметить, что ни один из видов наглядных пособий не обладает абсолютными преимуществами перед другими.

2. При обучении иному языку следует учитывать двусмысленность термина "грамматика" и отличать грамматическую систему (грамматический строй) от грамматики как лингвистической науки, которая изучает эту грамматическую систему. В процессе коммуникации грамматика организует слова в сообщения, сознание говорящего сосредоточено на содержании высказывания. Грамматические средства в процессе коммуникации требуют автоматического владения ими. Целью обучения русскому языку является формирование грамматических навыков и умений, а не овладение грамматической теорией. Правильное употребление грамматических форм иного языка — очень трудно формирующийся навык, и для его выработки

требуется широкое использование наглядности.

3. Наглядность играет исключительно важную роль при обучении грамматике на среднем этапе. Актуальность использования наглядности на среднем этапе объясняется некоторыми психологическими особенностями этого возраста. (Стремление к разнообразным действиям, к занимательности, к самостоятельности).

4. Проведенный нами эксперимент свидетельствует, что использование наглядных средств (диафильмы, диапозитивы, таблицы, схемы, картины, серии картинок) на уроках грамматики русского языка в эстонской школе способствует:

- а) развитию аналитико-синтетического мышления учащихся,
- б) лучшему пониманию новой грамматической темы (у учащихся возникает не только слуховое, но и зрительное представление),
- в) разнообразию методики проведения урока, что способствует активизации учащихся,
- г) формированию прочных грамматических умений и навыков.

5. Следует помнить, что при обучении грамматике на среднем уровне нельзя злоупотреблять использованием наглядных средств и умело сочетать их с другими методическими приемами.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Э. Линнамяги

1. Контроль знаний, умений и навыков учащихся играет важную стимулирующую функцию в процессе овладения неродным языком.

2. Стимулирующая роль контроля реализуется лишь в объективном и методически правильно проведенном контроле.

3. Объективность письменного контроля обеспечивается двенадцатибалльной системой оценки, разработанной В. Беспалько. Об этом же свидетельствует и проведенный нами эксперимент.

4. Критерии для объективной оценки устных знаний, умений и навыков учащихся недостаточно разработаны в теории педагогики и методики. Очень часто на передний план выдвигается дисциплинирующая функция контроля. Работа некоторых авторов (С. Херма) показывает, что строже оцениваются ответы мальчиков.

5. Нами был проведен эксперимент для выявления отношения учащихся к разным формам контроля. Результаты эксперимента будут представлены в докладе.

6. Синтезирующая функция контроля находит свою полную реализацию в контроле, который учитывает и цели обучения русскому языку, и этап обучения, и пробелы в знаниях, умениях и навыках учащихся.

7. Контроль как средство для достижения оперативной внутренней обратной связи, стимулирующей познавательную активность учащихся, и внешней обратной связи, способствующей наиболее целенаправленному управлению процессом обучения, может быть обеспечен лишь в системе программированного обучения.

8. Для реализации всех функций контроля учителю необходимы знания как из области педагогической и возрастной психологии, так и из дидактики и методики. Но прежде всего учитель должен обладать педагогическим тактом и коммуникативными свойствами.

ВЛИЯНИЕ СЪЕЖТА НА ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

И. Шескина

1. В основу работы положено представление о том, что понятность текста учащимися не обязательно подразумевает активное владение или даже просто понимание всей лексики изучаемых произведений. Определенное количество слов учащихся легко восстанавливают по языковому, стилистическому, жанровому и по. контекстам. Стремление учителя обязательно разъяснить все слова приводит к чрезмерно долгому "жеванию" текста, в результате чего падает интерес учащихся.

2. Поскольку пропуск непонятных слов так же таит в себе опасность (учащиеся могут перестать понимать текст, что, в свою очередь, подорвет их интерес), то возникает проблема обоснованных и точных критериев в этой области.

3. Для решения проблемы нами был проведен эксперимент по следующей методике: учащимся старших классов эстонской школы были предложены тексты с пропуском слов (существительных и глаголов). Эксперимент был проведен в двух этапах:

I этап - предложенный учащимся текст был сюжетным. Для этого этапа был выбран жанр детектива - сюжетно целостный кусок из рассказа Конан Дойля "Синий бриллиант".

II этап - выбранный для второго этапа текст был сюжетным лишь в первой части, вторую часть заполняло рассуждение научно-популярного характера (статья из газеты "Эдази").

Итак, нами были противопоставлены друг другу тексты с точки зрения сюжетности и бессюжетности.

С точки зрения удаления слов тексты были разделены на три группы:

A - удалено 15 % слов;

B - удалено 13 % слов;

B - удалено 11 % слов.

Информанты (учащиеся) разделены следующим образом: каждый класс разбили на две группы. Группа A заполняла пробелы, группа B - пересказывала сюжет (или основную идею текста на втором этапе).

Время выполнения задания не ограничивалось.

4. Пропуски считались правильно заполненными, если выбранное учащимися слово не нарушало общего смысла контекста или его ясно выраженной стилистической характеристики.

В ответах группы A была высчитана информация, содержащаяся в пропущенном месте в битах.

1) на каждый пропуск отдельно;

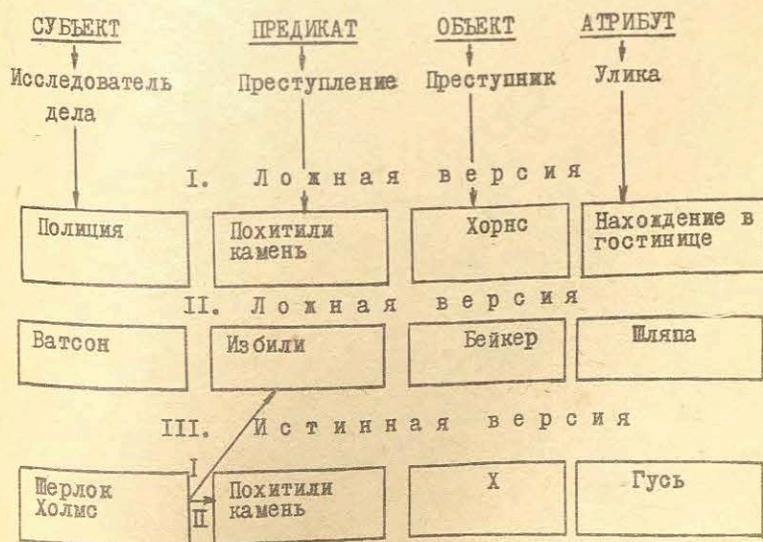
2) была получена информация, содержащаяся в целом тексте в битах.

Такая операция была проделана с текстами обоих типов.

Пересказ считался правильным, если в нем не нарушались общие сюжетные линии (см. схему). Пересказ считался правильным, но не полным, если отсутствовал один или два сюжетных узла (мотива).

5. В результате эксперимента должен выявиться высший %, при котором учащиеся перестают понимать смысл текста - верхний допустимый порог лексического понимания. Вторым вопросом, ответ на который должен дать описываемый эксперимент, является ли этот порог постоянным или же зависит от жанра текста и отношения учащихся к тексту (интерес).

Подчеркивая предварительный характер полученных выводов, тем не менее можно отметить, что между понимаемостью и сюжетностью текста существует прямая зависимость. Если дальнейшие эксперименты оправдывают этот вывод, то можно получить научно обоснованный критерий для отбора текстов, предназначенных для школьного чтения на неродном языке

IV.

Лингвистика

УЧЕНИЕ А.А. РЕФОРМАТСКОГО О ПЕРЦЕПТИВНЫХ И
СИГНИФИКАТИВНЫХ ПОЗИЦИЯХ

С. Сосновицкая

В фонологической теории А.А. Реформатского, виднейшего представителя МФШ, важную роль играет учение о позициях. Введение разграничения перцептивных и сигнификативных позиций тесно связано с учением о фонеме, вариантах и вариациях и служит для дифференциации двух последних понятий.

"В отношении перцептивной функции сильная позиция та, в которой фонема выступает в своем основном виде независимо от позиции; слабая же позиция та, в которой фонема меняет свое звучание в зависимости от позиции и выступает в виде оттенка или вариации фонемы."¹ "В отношении сигнификативной функции сильная позиция та, в которой фонемы сохраняют противопоставление и, различаясь, различают значимые единицы языка, а слабая позиция та, в которой противопоставленные фонемы совпадают в одинаковом звучании, перестают различаться и р а з л и ч а т ь (разрядка наша — С.С.) значимые единицы языка; тем самым противопоставление нейтрализуется."²

Из определения перцептивных позиций (сильных и слабых) вытекает, что мы должны рассматривать фонемы не в связи с распознаванием звуковой оболочки слова, поскольку, по справедливому замечанию А.А. Реформатского, "вариации не затрагивают смысла и обычно не замечаются говорящими, это невинные оттенки "того же". Таким образом, перцептивно сильные и слабые позиции введены с целью противопоставления основного вида фонемы ее оттенкам. Перцептивно сильные позиции не представляют собою более благоприятных условий для перцепции по сравнению со слабыми, а введены они для дифференциации основного вида фонемы и ее вариаций. Не ясно также, в какой конкретной фонетической позиции будет выступать основной вид фонемы, поскольку, согласно цитирован-

¹ А.А. Реформатский. Введение в языковедение. М, 1967, с. 215.

² А.А. Реформатский. Указ. соч., с. 216.

ному выше определению, в этом случае наблюдается независимость от позиции (может быть, под независимостью от позиции А.А. Реформатский имеет в виду противоестественное для языка, изолированное положение фонемы?). Кроме того, противопоставление перцептивно сильных и слабых позиций не всегда легко обнаружить. Вызывает затруднения различение этих позиций у сонантов. Так, в слове "ш т о л ь н я" мы не можем с уверенностью указать тип перцептивной позиции [л'].

Обратимся к сигнификативным позициям. Из определения следует, что в случае сигнификативно слабой позиции обязательна семантическая нейтрализация вследствие возникающей омофонии: "Варианты прямо отражаются на понимании, благодаря совпадению разных единиц, приводящего к омофонии, тем самым, варианты — звучание сигнификативно слабых позиций..." Однако, факты омонимии (омоформии) типа р о к и р о г крайне немногочисленны и, тем самым, не характерны для русского языка. В подавляющем большинстве случаев сигнификативно слабая позиция фонемы в слове не препятствует ни пониманию смысла слова, ни отличению его от других слов. Так, в слове в о д а [в л д а] перед нами вариант фонемы о в сигнификативно слабой позиции, но на понимании смысла это никак не отражается; в словах с у п., с у к., с у д., с у ш ь, конечные согласные, стоящие в сигнификативно слабой позиции, с успехом выполняют дифференцирующую функцию.

При рассмотрении перцептивных и сигнификативных позиций можно прийти к выводу, что сами термины не вполне отражают суть явлений. Фонемы в перцептивно слабой позиции в действительности не находятся в менее благоприятных условиях для восприятия, чем фонемы в перцептивно сильной позиции. Фонемы в сигнификативно слабой позиции выполняют, за ничтожным исключением, функцию различения вышестоящих значимых элементов языка столь же успешно, как и фонемы в сигнификативно сильной позиции. Создается впечатление, что другие термины, используемые в теории и практике МФШ (вариант, вариация, сильная фонема, слабая фонема, фонемный ряд), не характеризуются указанным выше недостатком.

¹ Там же, стр. 216.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ДИАЛЕКТА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ

П. Пунга

На территории Эстонии существует ряд двуязычных русских говоров. Часть из них находится в северном Причудье, в северо-западной Эстонии.

В ряде деревень северного Причудья языковая ситуация и языковые отношения сложились так, что в данный момент можно исследовать результаты контактирования двух этнических групп, двух разных языковых систем: северных говоров эстонского языка и русских говоров.

Таким образом, мы имеем дело с взаимобусловленными проблемами языкового контакта, билингвизма, языковой интерференции.

Под интерференцией мы понимаем отклонения от норм данного языка, вызванное влиянием другого языка. При интерференции "(...) речь идет не о простом проникновении элементов другого языка, а о перестройке элементов языковой структуры, типичных моделей одного языка под влиянием другого."¹

В качестве примера интерференции можно привести некоторые особенности вокальной системы двуязычных русских говоров северного Причудья.

В этих говорах представлена пятифонемная система гласных. Особенности появляются в реализации гласных фонем. Характерным для рассматриваемых говоров является отсутствие или ослабление палатализирующих свойств ряда звуков.

Однако при объяснении подобных фактов не следует забывать, что система одного языка открыта элементам другого только при наличии в системе первого соответствующих условий и предпосылок, а также при наличии определенных экстралингвистических факторов.

¹ Л.И. Баранникова, Проблема интерференции и вопросы взаимодействия языков. Вопросы методики преподавания иностранных языков в связи с проблемой языковой интерференции. Саратов, 1966, стр. 9.

Кроме того, известно, что в тех случаях, когда диалект попадает в иноязычное окружение, он приобретает устойчивости тех или иных языковых черт. Данные вокальной системы говоров Ийзаку и Катазе подтверждает это: там сохранились некоторые черты, характерные для северновеликорусского наречия.

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(оппозиция [o] : [ô])

И. Лапидус

В части современных русских говоров различаются фонемы [o] (o открытое) и [ô] (o закрытое). [o] находится обычно на месте [o] под старым нисходящим ударением и [o] из [z], [ô] — на месте [o] под восходящим ударением.

Впервые вопрос об [ô] рассматривается в работах А.А. Шахматова и Л.Л. Васильева.¹

В сборнике 1496 г. из собрания ГПБ (О.ХVII.88) имеет место графическое противопоставление o:ô. Можно предположить, что в данном случае знак акута (/) ставится для указания на напряженность [o].

ô встречается в следующих позициях :

I. Открытый слог:

I) имена существительные:

a) имена существительные мужского рода: ПОТОПѢ, НАРОДА,
СБОРА;

b) имена существительные женского рода: ВОЛЯ, ЗЛОБА; слова с суффиксом -ота: КРАСОТА, ДОБРОТА;

¹ А.А. Шахматов. Дифтонги ѳо и ѳе в великорусских говорах. ВЯ, 1964, 5, с. 107-120; 6, с. 109-118. Л.Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII веков. (К вопросу о произношении звука o в великорусском наречии). Л, 1929.

2) имена прилагательные: МНОЗИ, ВЫСОКА;

3) глагол:

а) глаголы с постоянным накоренным ударением:
ИСПОЛНИТИ, ИСПОЛНЕНЬ, ОУГОТОВАТЬ;

б) глаголы с подвижным ударением: ВХОДИТЬ,
ПРИВОДЯТ, ПОКЛОНИМСЯ, МОЛИМ;

в) формы аориста на - ОХЪ: ИЗИДОША, ОБРѢТОХОМ,
РЕКОСТЕ.

II. Закрытый слог:

1) имена существительные:

а) существительные женского рода с суффиксом - к-:
ГОРКА;

б) существительные женского рода с суффиксом - ость-:
ЛѢНОСТИ, ХИТРОСТИ, РАДОСТИ;

2) имена прилагательные:

а) с суффиксом - ън-: ГОРНѢМЪ, ЖИВОТНѢЙ, БЕЗВОДНА;

б) производные существительные: СТОЛПНИК, ИСТОЧНИК;

3) притяжательные местоимения во всех формах: МОИ,
МОЕЮ, СВОИМА, ТВОЕГО.

Кроме случаев, где [ô] закономерно возникает из исконного [o] под восходящим ударением, в рукописи есть некоторое количество примеров, когда [ô] находится на месте исконного [o] под нисходящим ударением и [o], возникшего из редуцированного.

Основной позицией, где встречается ô, является сочетание губной согласный + гласный: ПОКОИ, ПОХОТѢНІЕ, ЗЛОПОМИНАНІЕ, СМОТРЕНІЕ, МОЛЮ, МОЛОНЬЯ и т.п.

Появление [ô] здесь можно объяснить по теории Шахматова: лабиализованный согласный переносит на гласный свою лабиализацию. Таким образом, призвук џ вместе с гласным O превращался в дифтонг џо, давший затем звук [ô].¹

Графема o (без надстрочного знака) последовательно встречается только в тех позициях, где предполагается [o].

Материалы памятника позволяют сделать вывод об известной фонологической самостоятельности [ô] и, тем самым, о наличии противопоставления [o] : [ô].
1. ВЯ, 1964, 5, с. 117-118.

ОБ УРОВНЕ БОЛЕЕ ГЛУБИННОМ, ЧЕМ СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

М. Сеницын

Нетрудно обнаружить понятия, очень близко соотносимые семантически (но не синонимы), с одной стороны, и неоднозначные понятия (но не омонимы), с другой. К первым относятся, например, такая пара глаголов как осудать и обвинять. Ко вторым, например, относится транзитивное и интранзитивное употребление модального глагола мочь:

(1) Он может поджечь старую церковь.

Это предложение имеет следующие прочтения:

(2) Он способен поджечь старую церковь.

(3) У него есть возможность поджечь старую церковь.
И, возможно,

(4) Ему разрешили поджечь старую церковь.

Как отмечалось П. Кипарским¹, вряд ли целесообразно объяснять неоднозначность модальных слов случайной омонимией. Предлагаемое в докладе решение развивает некоторые из проблем, поставленных в работе П. Кипарского, возможно, правда, несколько в ином направлении.

Предлагается следующее: чтобы явно и нестатично описать регулярные переходы от одного значения к другому, необходимо постулировать некоторый более обобщенный уровень, чем семантическая репрезентация. Именно: если уровень семантической репрезентации очень неформально определить как семантическую запись в виде пропозиции, соответствующую всем поверхностным предложениям, выражающим один и тот же смысл (который, собственно, и был записан в виде пропозиции), то уровень, более глубокий, чем семантическая репрезентация, будет представлять семантическую запись, обобщающую все поверхностные предложения, регулярно соотносимые по смыслу.

¹ Kiparsky, P., *Semantic Rules in Grammar*. - *The Nordic Language and Modern Linguistics*, ed. by H. Benediktsson, Reykjavik, 1970.

Из-за громадной обширности явлений семантической соотносительности рассматривается ограниченный класс случаев, связанный с различиями в распределении "компонентов" значения на пресуппозиции и утверждения.

Именно к таким случаям относится пара осуждать - обвинять. Приняв с некоторыми упрощениями Филморовский анализ этих глаголов¹, можно сказать, что в таких схематических предложениях, как (5) и (6):

(5) X осуждает Y'a за ситуацию Z.

(6) X обвиняет Y'a в ситуации Z.

Значение этих глаголов следующее:

(5a) X высказывает, что ситуация Z - плохо и предполагает, что Y ответственен за Z.

(6a) X высказывает, что Y ответственен за Z, и предполагает, что ситуация Z - плохо.

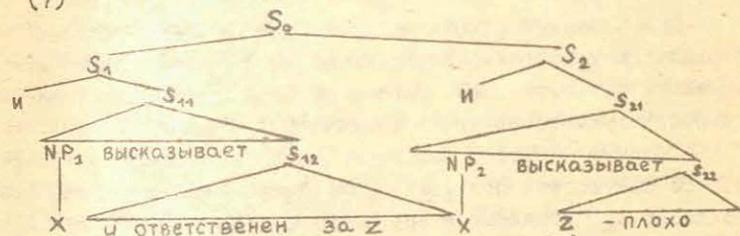
Как видим, эти глаголы различаются именно в распределении пропозиций на утверждение и пресуппозицию. Естественно предположить, что значения этих глаголов можно свести к обобщенной структуре и выводить каждый из них некоторым трансформационным правилом. Если мы представим обобщенную структуру в виде соединенных предложений (*conjoined sentences*), а пресуппозиции в семантической репрезентации условимся присоединить по Хомскому (*Chomsky - adjoin*) к субъекту декларативного глагола, то мы обнаружим, что в грамматике уже есть такое правило, а именно - ПИКИРОВАНИЕ (*swooping*)². Однако для наших целей необходимо ввести следующее соглашение: пропозиция, подвергаясь ПИКИРОВАНИЮ, автоматически изменяет предикат высказывать на предполагать. Кроме этого, и, пожалуй, самое главное, мы должны разрешить, чтобы правило применялось не только слева, но и

¹ Fillmore, Ch. J., Verbs of Judging: an Exercise in Semantic Description. - *Studies in Linguistic Semantics*, ed. by Ch. J. Fillmore and D. T. Langendoen, New York, 1971.

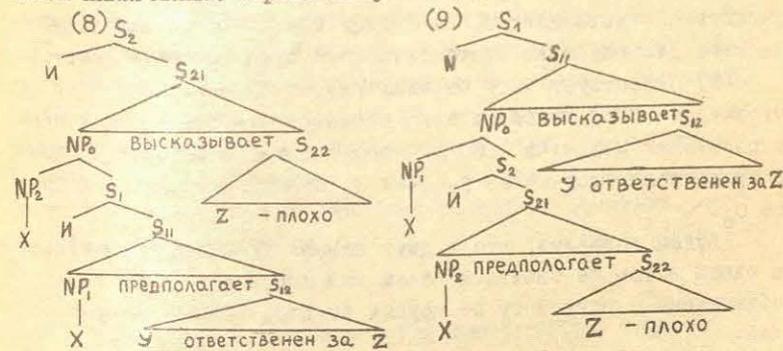
² Ross, J. R., Act. - *Semantics of Natural Language*, ed. by D. Davidson and G. Harman, Dordrecht, Holland, 1971.

справа (т.е., в некотором смысле мы используем зеркальный образ ортогонального пикирования¹). Диаграмматически это выглядит следующим образом:

(7)

Посредством ПИКИРОВАНИЯ слева получаем (8), а посредством ПИКИРОВАНИЯ справа получаем (9):

Остается только вычеркнуть и и обрезать неветвящиеся узлы.

Далее показывается, что с помощью правила ПИКИРОВАНИЯ естественно описывается соотносимость таких пар, как стре- миться - достигать.

Таким образом, постулируя уровень, более глубинный, чем семантическая репрезентация, и семантические правила, которые в других местах вывода работают как чисто синтаксические, мы, с одной стороны, подтверждаем принцип однородности грамматики, а с другой, даем явное и нестатичное (ср. понятие "семантического поля") объяснение нашей интуиции о семантических явлениях языка.

¹ Langacker, R. W., Mirror Image Rules I: Syntax. - *Language*, v. 45, 1969, No. 3.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ВЫДЕЛЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Н. Селектор

Целью данной работы является нахождение некоторых формальных критериев, позволяющих на основе анализа текста выделить значения слов. Работа проводилась на материале английских художественных и технических текстов.

Спорным понятием нашего исследования является понятие узкого контекста. Под узким контекстом (УК) рассматриваемого слова C_0 понимаются все слова C_1 данного текста, для которых выполняется одно из двух условий:

1) либо C_0 непосредственно управляет C_1 , либо C_1 непосредственно управляет C_0 на уровне поверхностно-синтаксического или глубоко-синтаксического представления текста;

2) существует хотя бы одна глубинная синтаксическая структура (ГСС), синонимичная (в системе синонимических преобразований Мельчука) ГСС данного текста, в которой C_0 непосредственно подчинено C_1 или C_1 непосредственно подчинено C_0 .

Будем говорить, что в двух данных УК слово C_0 выступает в одном и том же значении, если эти контексты могут быть объединены в одну и ту же группу по следующим трем правилам:

I. Два УК слова C_0 объединяются в один класс, если:

а) синтаксическая структура этих контекстов одинакова;

б) слова, стоящие в объединяемых контекстах на соответствующих местах их синтаксической структуры, входят в одни и те же семантические классы (СК);

в) само исследуемое слово C_0 в обоих контекстах имеет одни и те же способности к словоизменению.

Дерево зависимости, изображающее синтаксическую структуру контекстов одного и того же класса и содержащее ука-

зания на СК, в которые входят слова, способные заполнять его узлы, назовем типом узких контекстов.

2. УК, относящиеся к 2-м разным типам, объединяются в одну группу, если один из этих типов может быть получен из другого с помощью системы синонимических преобразований.

3. Две группы УК объединяются в одну, если среди входящих в них типов УК имеется хотя бы один, синтаксическая структура которого совпадает с некоторым типом УК, входящим во вторую группу, и СК, к которому относятся слова, образующие лексическое заполнение этих 2-х типов УК, соответственно могут быть объединены в более общие СК.

В соответствии с вышесказанным, слово будет иметь столько различных значений, сколько разных групп УК остаются в результате применения предложенных трех правил. В частности, при исследовании с этой точки зрения прилагательного 'close' на основе этого критерия было выделено 9 разных значений. По-видимому, возможно дальнейшее объединение некоторых из выделенных значений. В основе этого объединения, однако, должно лежать не поведение слова в тексте, а цели и возможности принятого способа описания различных значений, что является темой отдельной работы.

ПОЛИСЕМΙΑ И ОМОНИМИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (по материалам "Жития протопопа Аввакума")

С. Делец

I. Проблема многозначности слова тесно сопрягается с проблемой омонимии.

В языкознании полисемия и омонимия иногда просто не различаются, смешиваются, причем в одних случаях омонимия как бы растворяется в полисемии. В других случаях полисемия рассматривается по сути как омонимия. Несмотря на теоретическую невыясненность различий полисемии и омонимии, различия между значениями многозначного слова можно представить как два вида различий между значениями совпадающих

по звучанию единиц.

Материалом для данного исследования послужило "Житие протопопа Аввакума", написанное в момент бурного процесса формирования русского литературного языка, когда образовывались новые синонимические и омонимические связи, происходило смешение стилей.

2. Одним из видов таких различий являются различия при наличии известной связи между разными значениями. Употребляемое многозначное слово характеризуется какой-то одной чертой. Эта черта — основное значение, вокруг которого группируются остальные значения.

Так, у существительного "место" в "Житии" наблюдается много лексико-семантических вариантов. Например, "место" в значении "пространство", которое занято или может быть занято, на котором что-нибудь происходит, находится или где можно расположиться"; в значении "город"; в значении "должность, пост"; "место" в значении "поле, площадь".

Все эти значения объединяет один общий признак — выражение понятия пространства в прямом и переносном смысле.

3. Другим видом различий между значениями совпадающих по звучанию языковых единиц являются семантические различия при отсутствии связи между такими значениями. Примером таких различий является употребление в "Житии" слова "баба". Например, "баба" в значении "женщина" и "баба" в значении "пеликан".

4. Синонимические отношения многозначных слов отличаются большим многообразием и развиваются сразу в нескольких направлениях:

а). Взаимодействие одновариантных слов с многовариантными. Например: город — место. Город — одновариантное слово — вступает в связь с многовариантным словом "место".

б). Связи многовариантных слов с многовариантными значительно сложнее, чем в случае одновариантных и многовариантных слов. Например, многовариантные слова "земля" и "страна".

Каждое многовариантное слово, как правило, имеет в своей системе один или несколько вариантов, которыми оно

взаимодействует не с данной группой слов, а с другими словами, и каждое многовариантное слово обладает в этом плане известным своеобразием, поэтому такие микросистемы носят открытый, непрерывный характер.

5. Для стиля Аввакума характерно сближение разошедшихся семантических рядов или слияние омонимических сфер, когда одно слово вызывает другое, фонетически близкое, но уже успевшее дифференцировать свое значение.

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО РУССКО-ЭСТОНСКОГО СЛОВАРЯ

Л. Беренс

Назначение составляемого нами словаря (школьный, русско-эстонский) диктует его особенности (с учетом достижений современной лексикографической науки).

Современный учебный двуязычный словарь должен быть не словарем отдельных слов, а словарем переводно-сочетаемым, словарем активного типа, который мог бы служить пособием не только при переводе, но и в известной степени пособием для развития речи.

Отсюда два основных требования и в то же время две трудности при составлении словаря: 1) отбор слов и 2) характер иллюстративного материала.

Общий принцип отбора лексики для словаря учебного типа — принципы учебно-методической целесообразности. Отсюда частные принципы: частотность слова и его тематическая ценность. Эти принципы реализуются с помощью имеющихся частотных словарей и списков (общее количество 10), с учетом конкретных условий и назначения составляемого словаря; словник пополняется с учетом школьной тематики.

В иллюстративной части дается набор широко употребительных словосочетаний, характерных как с точки зрения сочетаемости, так и с точки зрения управления; при этом особое внимание уделяется случаям интерференции (вспоминать о прошлом — *minevikku meelitama* обобщать опыт — *koogenusi*

ildistama, ждать на остановке - *peatuses ootama* и т.п.).

Лексика, входящая в иллюстративные примеры и сочетания, должна оставаться в рамках 8-10 тысяч наиболее употребительных слов.

С целью определения наиболее употребительных словосочетаний для ряда слов предпринята попытка психолингвистического эксперимента по несколько усложненной ассоциативной синтагматической методике.

РУССКИЕ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ ТИПА
"ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ (ОТ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ) + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ"
И ИХ ЭСТОНСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

М. Степанова

1. Круг вопросов, связанных с явлением межъязыковой идиоматичности, последнее время всё чаще обращает на себя внимание лингвистов. Сопоставление языков (в том числе неродственных) способствует выявлению специфики сопоставляемых языков, что представляет как теоретический, так и практический интерес (лексикография, преподавание языков). Особенно интересны с этой точки зрения устойчивые сочетания (фразеосочетания).

2. В докладе рассматриваются фразеосочетания типа "прилагательное (от названий животных) + существительное" (собачий нюх, крысиный хвостик и т.п.). Материал извлечен из академических толковых словарей (17-томный и 4-томный) и из словаря под. ред. Д.Н. Ушакова.

3. Устанавливается типология русских фразеосочетаний с учетом их смысла и характера их компонентов (переносный - переносный характер, мотивированность - немотивированность, тип переноса, степень фразеологичности и др.). При этом частично применена методика семных формул, предложенная М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (понятие денотативной и коннотативной сочетаемости).

4. Далее проводится сопоставление русских фразеосоце-

таний по типам с их эстонскими соответствиями (с точки зрения характера компонентов, степени фразеологичности); выявляются случаи межъязыковой идиоматичности и в некоторой степени условия их появления.

5. Проводимый анализ позволяет сделать также выводы практического характера (о подаче фразеосочетаний этого типа в словарях и т.д.). Так, в случае отсутствия межъязыковой идиоматичности нет необходимости особо выделять сочетания этого типа в двуязычном словаре (львиная грива - *lõvilaska*, медвежья услуга - *karutene* и др.). При наличии же межъязыковой идиоматичности это необходимо: крысиная кошечка - *rotisaba* (несоответствие субстантивного компонента); вольи нервы - *kaandud näwid, krammäärid* (несоответствие адъективного компонента); ср. также лошадиный смех - *hõhnaer* и лошадиная сила (терминолог.) - *hobujõud* и т.п.

О РУССКО-ЭСТОНСКОЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИДИОМАТИЧНОСТИ
ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ НЕСВОБОДНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Г. Иоффе

Исследование межъязыковой идиоматичности дает возможность яснее представить себе специфику сопоставляемых языков, кроме того имеет и определенную практическую цель.

В докладе рассматриваются с точки зрения русско-эстонской межъязыковой идиоматичности семантически расчлененные несвободные глагольно-именные сочетания русского языка с глаголами движения (приставка + носить - нести + существительное; всего 13 приставок). Материал извлечен из 17-томного академического толкового словаря.

Выбор для анализа именно глаголов движения мотивируется своеобразием этих глаголов в русском языке, их способностью образовать глагольно-именные сочетания с различными лексико-семантическими группами существительных, с различной степенью десемантизации глагола и т.д.

В докладе делается попытка определить зависимость межъязыковой идиоматичности от типа значения анализируемых сочетаний (действие, направленное на определенный объект, душевное состояние и т.п.), от характера существительных и т.д.

Определяются случаи "группового" перевода: выносить решение, приговор - *otsust, kehtustust tegema* или *lange-tama* (при обычном переводе глагола выносить - *rälja kand-ma, rälja rüma, rälja teema*) и единичного перевода: приносить благодарность - *tänu avaldama*, приносить клятву - *vannut andma*, приносить поздравления - *tervitama* (обычное словарное соответствие глагола приносить - *teema*).

Как показывают наблюдения, чаще всего специфическому переводу подвергается глагол (относительно редки случаи типа относить - отнести поклон - *tervitusi rüma*, где межъязыковая идиоматичность связана с именным компонентом).

Отмечаются также случаи зависимости межъязыковой идиоматичности от стилистических различий: принести котят, теленка и т.п. - *kamirüga, väinut teema*, но при просторечном принести ребенка перевод *teema* невозможен.

В литературе обращалось внимание на то, что межъязыковая идиоматичность находится в зависимости от количества значений, зафиксированных в двуязычных словарях. С другой стороны, подробное и по возможности полное изучение сочетаний исходного языка позволяет уточнить способы подачи конкретных слов и словосочетаний в двуязычных словарях.

О СЛОВОТВОРЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В. ХЛЕБНИКОВА В ПОЭЗИИ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

А. Левитина

1. Из всего многообразия словотворческих приемов, применяемых В. Хлебниковым, можно выделить ряд наиболее специфических, которые регулярны для Хлебникова и, вместе с тем, носят occasionalный характер или вообще не встречаются в творчестве других поэтов.

К ним относятся:

- а) заумь,
- б) контаминация,
- в) большинство деривационных неологизмов.

Специфичность словообразовательных моделей, по которым созданы неологизмы указанных типов, позволяет нам утверждать, что их использование в современной поэзии - реализация хлебниковской традиции.

2. Несомненным представляется влияние Хлебникова на творчество Андрея Вознесенского, что становится очевидным при сопоставительном анализе неологизмов того и другого поэта. Но связь между поэзией Вознесенского и Хлебникова не ограничивается формальным сходством новообразований. Их объединяет одинаковое понимание задач поэтического языка и той роли, которую призвана сыграть поэзия в формировании сознания людей будущего.

Только в последнем сборнике Вознесенского "Взгляд" (М., 1972) можно выделить разные по характеру случаи отражения хлебниковских традиций.

2.1. Прямые ссылки на Хлебникова.

"В разговоре он (профессор Маклюен) ясен и метафоричен, как алгебра. Он вряд ли читал Хлебникова, но ключ к Маклюену в хлебниковской фразе: "Человечество чисел, вооруженное и уравнением смерти, и уравнением нравов, мыслящее зрением, а не слухом".

2.2. Непосредственные заимствования.

В стихотворении "Зауральская пляска":

А пока пляшите, пьяны в дым:

Шагадам, магадам, скрытымным.

Ср. у Хлебникова "Ночь в Галиции":

Шагадам, магадам, выгадам.

Этот пример классифицируется как заимствование, так как нет оснований расценивать включение малоизвестных хлебниковских заумных неологизмов в текст стихотворения, где в той же строке мы находим авторский неологизм, как цитацию.¹

2.3. Заимствование словообразовательных моделей.

а) Заумные неологизмы.

Слово "СКРЫТЫМНЫМ" в приведенном выше примере. Со-
поставление с хлебниковскими неологизмами указывает на
способ словообразования — заумь, т.е. образование новых
слов, значение которых не мотивируется ни морфологически,
ни лексически. В заумном слове, как и, на наш взгляд, в лю-
бом неологизме, доминирует словообразовательное значение;
лексическое значение такого слова выявляется генетически
или функционально. Значение неологизма "скрытымным" про-
ясняется в результате анализа всего стихотворения (в каж-
дой из 6-и строф которого он встречается по два раза) на
семантическом уровне.

б) Контаминация и как ее результат — скрешение, т.е.
такое развитие двух взаимодействующих элементов, которое
приводит к появлению третьего элемента, имеющего общие
черты с каждым из двух. Этот пример и у Хлебникова, и у
Вознесенского часто сопровождается усечением одной из ос-
нов.

Ср.: у Вознесенского — "кабарышня, кабабушка" (кабан + ба-
рышня, кабан + бабушка),

у Хлебникова — "плясарышня" (плясать + барышня).

Здесь заимствование словообразовательной модели подчерки-
вается совпадением второго элемента неологизмов.

У Вознесенского по тому же типу: СОБАКАЛИПСИС (соба-
ка + Апокалипсис), поэмима и др. При этом в поэзии Возне-

¹ см. Г. Левинтон. К проблеме литературной цитации. "Мат.
XXVI научной студ. конференции." Тарту, 1971.

сенского неологизмы часто сопровождаются "обнажением приема"

в) Деривация.

Для Вознесенского, как и для Хлебникова, наиболее упо-
требительными являются непродуктивные и малопродуктивные
словообразовательные типы (как семантически более значимые).

3. Следует отметить, что не все неологизмы Вознесенско-
го восходят к Хлебникову (напр., каламбур "созерцанье — со-
сердцанье"), и все же главное направление словотворческой
Работы Вознесенского совпадает с теми поисками путей обно-
вления поэтического слова, которым посвятил себя Хлебников.

ИНТЕРФИКСЫ -ОВ-, -ИН-, -Ш-, -Ј- В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

О. Волкова

1. Интерфикс -ов- в русском языке и других славянских
языках восходит к праславянскому суффиксу -ov-, имевшему
общее значение принадлежности. Генетически суффикс -ov-
является рефлексом производных от древних й-основ. Фор-
мальная связь прилагательных с суффиксом -ов-с группой
й-основ, очень употребительных и семантически разнообраз-
ных, обеспечила впоследствии возможность присоединения -ов-
к самым различным по звуковой структуре и значению основам.

Когда к притяжательным прилагательным с суффиксом
-ов- для выражения относительности стали присоединяться
транскатегориальные суффиксы -я- и -ск- (этот процесс на-
чался еще в старославянском языке), центр семантической
тяжести переместился на них, и, тем самым, -ов- в прилага-
тельных этого типа утратил свои семантические функции.
Утрата структурных функций -ов- начинается с того момента,
когда -ов- в притяжательно-относительных прилагательных
перестает в результате переразложения быть частью основы и
стходит к посткорневой части прилагательных. Утратив свои
структурные и семантические функции, -ов- становится асе-
мантическим звуковым комплексом в составе суффиксальной
части прилагательного. Обладая в силу своего происхождения

возможностями сочетаться с основами любой морфонологической структуры, *-ов-* начал применяться аналогически для образования прилагательных от основ, его в исходе не содержащих. Это имело место прежде всего при деривации от основ односложных или от основ на заднеязычные и *ц* (ср. *бес - бесовский*, *старик - стариковский*, *отец - отцовский*). Ранее всего *-ов-* как интерфикс стал с большой продуктивностью и регулярностью выступать в модели образования отчеств на *-ов-ич(-ов-на)* и фамилий на *-ов-ский(-ев-ский)*. Применительно к отчествам о нем можно говорить уже с XI века, к фамилиям — с XV в. Сформировавшийся из притяжательных суффиксов *-ов-(-ев-)* в русских фамилиях интерфикс *-ов-* создал в русском языке большой и продуктивный тип образований от имен собственных, преимущественно иноязычных и несклоняемых. Производные от топонимов также образовывались по модели с интерфиксом *-ов-* (с XIII в.). В современном языке *-ов-* является самым продуктивным интерфиксом, функционирующим в моделях образования прилагательных и имен от основ, оканчивающихся согласной фонемой, от топонимов, от основ имен собственных, от аббревиатур и в некоторых других случаях.

2. Интерфикс *-ин-* восходит к индоевропейскому суффиксу *-in-*. Одним из значений суффикса *-in-* было значение possessивное. Посредством этого суффикса от основ существительных на *-а*, *-и* и от основ на согласные образовывались прилагательные еще в индоевропейском языке. Такая множественность дистрибутивных критериев после падения редуцированных и изменений в склонении создала возможность переноса функций *-ин-* и на основы другой структуры, в частности, на твердые основы существительных мужского рода (ср. *отъчинь*). Формирование и распространение словообразовательных моделей с интерфиксом *-ин-* в структурном и хронологическом отношении тождественно истории формирования интерфикса *-ов-*. Сфера действия словообразовательных моделей с интерфиксом *-ин-* более узка, в основном она ограничивается производством оттопонимических образований и деривацией от имен собственных.

3. Интерфикс *-ш-* (в соединении с суффиксом *-н-*) выступает при образовании прилагательных от несклоняемых заимствованных слов: *лотовный*, *доминошный*, *киношный*. Интерфикс *-ш-*, оформляющий эти прилагательные, возник по аналогии к форманту *-ш-* в словообразовательной модели "наречие → прилагательное" (*вчера - вчерашний*, *сегодня - сегодняшанный*). Модели "наречие → прилагательное" и "несклоняемое заимствованное слово → прилагательное" объединяет несклоняемость исходного слова. Модель "наречие → прилагательное" существовала еще в древнерусском языке. Интерфикс *-ш-* в этой модели восходит к указательно-местоименной частице "сь" (*летось*, *днесь* и т.д.), которая оформляла многие наречия. При образовании прилагательных от наречий в славянских языках использовался суффикс *-ън-jo*: *днесь > днесьнънъjo > днесьнъjo*. Под влиянием сильноослабляющего действия *j* сочетание *сьнъ* превращалось в *шънъ*. Следовательно, интерфикс *-ш-* в этой модели восходит к "сь" (модель образования прилагательных от несклоняемых заимствованных слов). В современном языке интерфикс *-ш-* очень продуктивен в разговорной речи, выступая в образованиях от аббревиатур, наречий и даже целых выражений.

4. Интерфикс *-ж-* оформляет в русском языке прилагательные, образованные от несклоняемых заимствованных существительных, оканчивающихся на гласные. Существует предположение, по которому генезис интерфикса *-ж-* в этом типе образований связан с наличием у несклоняемых заимствованных существительных типа "кофе", "желе" вариантов с конечным *-ж-*. В русском языке существовала тенденция оформления заимствованных слов элементами, благодаря которым чуждые фонетико-грамматическому строю русского языка заимствования становились более свойственными и удобными для орфоэпии. Родоначальником ряда таких заимствований в русском языке является слово "кофе", дериваты которого оформляются элементом *-ж-*. Можно предположить, что слово "кофе" употреблявшееся в форме "кофей", получило этот элемент по аналогии к слову "чай" в результате тесной ассоциации этих слов у носителей языка того времени. Словообразовательное гнездо

слова "кофе" строится параллельно гнезду слова "чай". Когда закрепились несклоняемость слова "кофе", словообразовательное гнездо его осталось прежним, как и род. Более поздние заимствования этого типа, в фонетическом и морфологическом плане сходные с ним, оформляют свои дериваты по той же модели.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

Чанг Тхи Дай

Движение — семантическая универсалия, относящаяся к глубинной структуре языков. Эта универсалия по-разному выражается на уровне поверхностной структуры языков. Изучение сходств и различий в выражении универсалии на материале таких различных по структуре языков, какими являются русский и вьетнамский, представляет особый научный интерес и имеет большое значение в практике обучения вьетнамцев русскому языку и русских-вьетнамскому.

К чертам сходства в способе выражения движения в русском и вьетнамском языках относим следующие:

1. Большинство глаголов движения в русском языке имеют семантические эквиваленты во вьетнамском языке: ИДТИ — *đi đến tơi*, УЙТИ — *đi ra khỏi*, ВОЙТИ — *đi vào*, ЗАЙТИ — *đi ghé vào* и т.д.

2. Большинство семантических эквивалентов имеет одинаковую семантическую структуру, то есть включает в свой состав одинаковые семантические показатели: ИДТИ — *đi, đến* — движение, не осложненное добавочным значением; ПОДОЙТИ — *đi đến gần* — движение с приближением к объекту; ЗАЙТИ — *đi ghé vào* — движение попутное, недлительное, пребывание и т.д.

К чертам различия относим следующие:

1. В русском языке способ передвижения обозначается глаголами, имеющими различную денотативную отнесенность:

ХОДИТЬ, ЕЗДИТЬ, ЛЕТАТЬ и др. Во вьетнамском языке нет дифференцированности в выражении способов движения: глаголы *đi, đến* не указывают, каким способом совершается действие. Для выражения способа передвижения нужно употребить существительное.

2. Семантическая структура русского глагола, как правило, должна передаваться глаголами, состоящими из двух частей: ВХОДИТЬ — *đi vào*, ВЫХОДИТЬ — *đi ra*. Компоненты *vào* и *ra* имеют особую нагрузку: они выражают направление движения. В контексте эти компоненты могут употребляться и самостоятельно.

Семантическая структура русского глагола может передаваться глаголом в сочетании с наречием: ОТОЙТИ — *đi ra xa*, ДОЙТИ — *đi đến tơi*, но ПОДОЙТИ — *đi đến gần*, ВЫЙТИ — *đi ra*.

3. Отдельные слова во вьетнамском языке, в отличие от русского, могут употребляться и как глаголы, и как наречия:

qua, vòng, dọc.

4. Во вьетнамском языке нет эквивалента для русского глагола ПРИЙТИ, хотя есть соответствующие выражения для глаголов ДОЙТИ и ПОДОЙТИ, с которыми слово ПРИЙТИ может вступать в синонимические отношения; в контексте семантику слова ПРИЙТИ помогает выразить слово *đến*.

5. Во вьетнамском языке не дифференцируется значение, выражаемое глаголами ПЕРЕЙТИ и ПРОЙТИ, они переводятся одним и тем же выражением *đi qua*.

6. В русском языке не дифференцируется лексически значение вьетнамских выражений *đi vòng quanh* и *đi quanh*, им соответствует один глагол ОБОЙТИ (вокруг или по кривой).

Описанные различия объясняются, во-первых, различной морфологической характеристикой языков (вьетнамский — корневой, русский — флективный). Этим объясняются различия 2 и 3. Но различия в языках может отражать и неодинаковое членение действительности. Этим можно объяснить различие "белые пятна" в русском и вьетнамском языках при выражении

движения с преодолением пространства и препятствия (различия 5 и 6); отсутствие соответствующего выражения для глагола ПРИЙТИ во вьетнамском языке.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРИСТАВКИ ОТ-

Э. Джемакулова

Для внутривлагольного словообразования характерен префиксальный тип, это наиболее распространенный вид образования новых глаголов, поэтому понятен тот интерес к проблематике префиксов, который можно отметить в работах последнего времени. Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию приставочного формо- и словообразования проблема семантики приставки в плане диахронии и даже синхронии до настоящего времени остается спорной и нередко решается без достаточно объективных оснований. Так, нет еще точных критериев выделения значения приставки, отграничения значения приставки от семантики всего слова, разграничения значений приставки, слова и контекста. Еще большую трудность представляет собой попытка определить причины семантической эволюции приставки вообще и той или иной приставки в частности. Большинство работ ограничивается лишь простой констатацией факта значений определенной приставки, причем само это выделение не всегда делается объективно. Лишь немногие авторы пытаются проследить развитие значения приставки, к сожалению, не всегда доказывая это.

Основной метод исследования многих лингвистов — традиционно-описательный (см. работы Н.К. Жученко, А.В. Овчинникова, И.Л. Воробьевой, А.И. Коновой и др.). Исследуя приставки в современном русском языке, авторы перечисляют значения, сопровождая их примерами, без каких-либо доказательств. Исследуя историю приставок, авторы довольствуются линейным расположением значений префикса в соответствии со временем их появления и не делают попыток объяснить причины эволюции. Иной подход к интересующей нас проблеме виден у И. Немца и В. Смеха, в исследованиях которых дела-

ется попытка установить причины семантической эволюции приставок.

В докладе на материале древнерусского языка прослеживается семантическая эволюция приставки от-, которая может быть представлена следующим образом:

1. значение "удалиться на некоторое расстояние":
отойти от...
2. значение "отделить от чего-то":
отлепить
3. значение "доставить куда-нибудь":
отвести
4. значение обратного действия:
отблагодарить
5. значение тщательного совершения действий:
отдать
6. значение "довести до нежелательного состояния":
отплясать, отходить (ноги)
7. значение "аннулировать результат предшествующего действия":
отговорить.

Последовательность значений отражает хронологию семантической эволюции приставки от-. В ряде моментов делается попытка проследить причины изменения семантики приставок.

СУФФИКСАЛЬНАЯ СУБСТАНТИВАЦИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ИЦА)

О. Томасова

1. Одним из самых распространенных способов образования существительных является суффиксальный. Нередко возникновение новых существительных происходит путем перекрещивания суффиксального и других способов словообразования, в частности, во взаимодействии суффиксации и субстантивации.

2. Существует две разновидности субстантивации: а) "чистая" субстантивация (например, передовая статья — пере-

довая), б) суффиксальная субстантивация (передовая статья-передовая - передовица). Суффиксальная субстантивация отмечается во всех славянских языках. Функция суффикса, трансформирующего словосочетание в суффиксальное слово, называется структурной. Результатом действия этого способа словообразования являются *nomina attributiva*.¹ Ср.: слепой человек - слепец. В последнем примере суффикс "ец" является отождествляющим членом (=человек), а морфема "слеп" - различающим (=слепой).

Использование различных способов словообразования, в частности "чистой" суффиксации и суффиксальной субстантивации, нередко затрудняет определение словообразовательной истории данного слова, ср., например, слова: блина, белка.

3. В древнерусском языке способ суффиксальной субстантивации был очень продуктивен. Целая серия слов возникла таким путем. Именно такой путь образования доказывает следующее:

а) данному существительному предшествовало словосочетание "прилагательное и существительное", ср. масляная неделя - масляная - масленица;

б) производные существительные могут сохранять формальный элемент (суффикс) прилагательного. Причем существуют прилагательные, которые при возникновении нового существительного этот формант утрачивают, (обычно -ск- и -н-).

4. Используя материалы словаря И.И. Срезневского, мы выделяем следующие наиболее распространенные типы предметных наименований, образованных суффиксальной субстантивацией:

1. наименование растений (маковица, луковица);
2. наименование помещения:

¹Р. Zwolinski, Substantywizacja sufiksalna przymiotników w językach słowiańskich. Z polskich studiów slawistycznych. Seria druga, Warszawa, 1963.

- а) темница, светлица, трапезница;
- б) колохолица, звонница, голубница;
3. наименование церковных праздников и служб (масленица, вербница, утреница);
4. отдельные слова: столица, конница.

Надо сказать, что не всегда возможно выделение трех звеньев (по горизонтали в истории того или иного существительного, как в случае "масленица". В большинстве случаев наблюдается опущение среднего звена. Это свидетельствует о том, что образование того или иного существительного, которое представляется образованным с помощью суффиксальной субстантивации, шло по аналогии, т.е. путем чистой суффиксации (звонница, колокольница).

5. В настоящее время суффиксальная субстантивация в русском языке мало продуктивна, более активен суффикс -к(а). Суффикс -ица в этой функции широко используется болгарским языком.

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА "КАРТАВЫЙ" В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. Брехов

1. Прилагательное "картавый" со значением:

1) - нечисто произносящий "р" и "д";

2) - имеющий дефект речи -

входит в активный словарный состав русского языка.

2. Этимология слова "картавый" представленная в этимологических словарях, является, по нашему мнению, неудовлетворительной.

Так, М. Фасмер¹ возводит русское "картавый" к *картавыи (**kъrtavъ*). Приводимые им параллели из других славянских языков, например, польское *kartac* - "порицать", "наказывать", словенское *zakrtiti* - "строго приказать", не объясняют этимологию и структуру слова. Авторы "Краткого

¹М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, стр. 203.

этимологического словаря русского языка¹ считают, что "картавий" (из "къртави") является суффиксальным образованием от "къртъ" (последнее слово не объясняется, делается лишь предположение о его возможной связи с "гортань"), замечая при этом, что далее этимология слова не прослеживается.

3. Как нам представляется, этимологию слова "картавий" можно выяснить, поставив его в ряд тождественных по семантике и сходных по фонетическому составу прилагательных, а именно:

- "карзубый" — имеющий дефект зубов,
- "карнаухий" — безухий или с изуродованным ухом,
- "курносый" — имеющий маленький или вздернутый нос, и др.

Этимология этих слов достаточно прозрачна и представлена в этимологических словарях.

4. Все слова вышеприведенного ряда являются сложными прилагательными, первая часть которых, по общему мнению, восходит к славянскому "къръи —", что значит — "изувеченный", ср. древнерусский кърны², близкие по значению слова с корнем "кърн" находим в родственных языках, например, в сербо-хорватском:

"кръь — обломанный", "поврежденный"; крѣа — калека, человек с физическим недостатком (без уха, глаза, руки и т.п.); "крзуб" — 1) шербаый, 2) беззубый.

В болгарском: "кърня" — "корнать", "обрезать", "портить". Ср. также русское "корнать", второй компонент прилагательных, указанных в п. 3, называет часть тела, о физическом дефекте которого говорит слово, т.е. они образуются путем сложения: первый компонент — корень кърн-, второй — название части тела.

5. В результате непродуктивности данного типа образова-

¹ Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка, М., 1971, стр. 170.

² И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, М., 1958, т.1, Кол. 1411.

ния прилагательных и выхода некоторых из них из широкого употребления (карзубый, карнаухий) нарушается ясность структуры этих слов. Следствием этого является деформация первой части в "кар-", "кур-", "кор-".

6. На основании всего вышесказанного слово "картавий" представляется нам семантически однотипным со словами типа "курносый", "кургузый", "карнаухий", "карзубый". Исходя из этого, предполагаем, что оно и в словообразовательном отношении идентично словам типа "курносый", т.е. является сложным прилагательным, первая часть которого — "кърнъ", а вторая — "рот".

7. Отличие в словообразовательном отношении заключается в суффиксе "-ав-". Это, очевидно, обусловлено фонетической слабостью корня с беглым гласным.

8. Отсутствие фиксации слов рассматриваемого типа в памятниках затрудняет его изучение. Как представляется, использованное нами сравнение позволяет реконструировать этимологию слова "картавий" с достаточной степенью вероятности.

АЛГОРИТМ ПОРОЖДЕНИЯ ВЕНГЕРСКИХ СЛОВОФОРМ, ЧЕРЕДУЮЩИХ ГЛАСНУЮ С НУЛЕМ В ОСНОВЕ

Е. Злотник

Работа имеет целью создание алгоритма, порождающего из заданных в словаре основных морфем, имеющих альтернацию синкопы (чередования последней гласной основы с нулем), все их алломорфы, причем правила определения нужных свойств основ заключаются в сам алгоритм порождения.

Возможен другой способ описания чередований: в словарную статью морфемы M, имеющей алломорфы с беглой гласной (M₁) и без нее (M₂), заносится один из алломорфов, например, M₁, и ставится специальная помета Асинк ("беглая гласная"). Тогда любое правило, переводящее M₁ в M₂, должно иметь вид:

$$M_1 + (X) \rightarrow M_2 \quad \text{Условие: Асинк}$$

СОЧЕТАЕМОСТЬ ПРЕДЛОГОВ И ПРИСТАВОК

Ю. Князев

Принято считать, что сочетаемость префикса и предлога регулируется "законом удвоения приставки-предлога", т.е. предлог либо дублирует префикс (въехать в город, забежать за дом), либо, не повторяя префикса, "соответствует" ему по смыслу (приехать к дому, выбежать из дома). В более гибкой формулировке различаются "характерные" и "нехарактерные" предложные конструкции ("соответствующие" и "несоответствующие" значения приставки), где характерными называются сочетания, подводимые под "закон удвоения": в- - в, на- - на, за- - за, при- - к, вы- - из, вз- - на и т.д. Между тем глагол движения с любой приставкой допускает несколько различных предлогов, причем, с одной стороны, далеко не всегда обнаруживается настолько резкое преобладание одного предлога, чтобы употребление остальных можно было считать исключительным и нетипичным, а, с другой стороны, очевидно, что и при бесприставочном глаголе появление различных предложно-падежных форм не одинаково вероятно. В самом деле, почему заехать за угол, прийти к озеру, выйти из дома, взлететь на крышу - "характерны", а заехать в лес, приехать в Москву, выйти на улицу, взлететь с крыши - "нехарактерны"? В то же время предлоги и префиксы со-встречаются в одной фразе не произвольно, а подчиняясь весьма жестким правилам. Приведем некоторые из них. (Предлоги в, на, к, за, под, используемые при обозначении конечного пункта движения, будем называть Кон-предлогами; предлоги из, с, от, из-за, из-под, указывающие на исходную точку, - Исх-предлогами; соответствующие предложно-именные группы - Кон-группами и Исх-группами.)

1. Для ряда приставок вообще не существует каких-либо ограничений на сочетаемость с предложно-падежными группами, поскольку они семантически не соотносимы с предлогами: при-, у-, (приближение или удаление по отношению к говорящему), раз-(ся), с-(ся) (расчлененность движения), вз- (движение вверх), пере-. Глаголы с этими приставками одинаково легко,

хотя, разумеется, не одинаково часто сочетаются с любыми предлогами: прибежать в дом, на площадь, под дерево, к двери, от забора, из-за реки, с улицы, из-под навеса; взлететь в небо, на ветку, под крышу, за облака, к звездам, из-под снега, из-за леса, из кустов, с аэродрома.

2. Префиксов, допускающих только Исх-предлоги, в русском языке нет; глагол, сочетающийся с Исх-предлогами, способен управлять и Кон- группами обратное же не обязательно. Приставки в-, на-, под-, не сочетающиеся с Исх-предлогами, одновременно ограничены в сочетаемости и с Кон-предлогами: войти в дом, но не *войти из дома, к дому; наехать на стену, но не *наехать с дороги, к стене; подъехать к реке, но не *подъехать из города, на берег. Префиксы, сочетающиеся с предлогами обоих типов, допускают любые Кон-предлоги, дис-трибутивные ограничения могут касаться только Исх-предлогов: выйти в сад, на улицу, за околицу, к дому, из-за угла, из-под дерева, из леса, но не *выбежать от дома, со школы. Аналогично для приставок с- и от-.

3. На сочетаемость влияет не только предлог, но и характер припредложного имени. Имя со значением лица, метонимически называющее помещение, связанное с данным лицом, требует предлогов к/от: к другу/от друга. Эта норма сохраняется для всех приставок, в том числе и для тех, которые в других условиях с предлогами к и от не сочетаются: выйти от декана, от отца, но не *выйти от реки; войти к декану, к отцу, но не *войти к дому.

4. Опозиции между приставками могут отличаться по типу от аналогичных межпредложных оппозиций, что отражается на их сочетаемости с предлогами. Предлоги и приставки в/на различаются одним и тем же признаком: внутрь/на поверхность. При именах, обозначающих плоские, горизонтально ограниченные ориентиры, пребывание внутри которых является в равной мере пребыванием на поверхности (и наоборот), противопоставленность в/на, естественно, нарушается. В этой позиции допускаются оба предлога: наблюдается либо свободное варьирование предлогов (во двор - на двор), либо немотивированное

закрепление одного из них (в переулочек - на улицу). При нейтрализации межприставочного противопоставления в-/на- употребляется только приставка в-, приобретающая в этом случае способность сочетаться с предлогом на: въехать на двор, въехать на кладбище. Напротив, приставка на- сочетается лишь с такими Кон-группами (с предлогом на), которые исключают альтернативное понимание "вовнутрь": наехать на столб, на стену, на пешехода, но не *наехать на берег, на поле.

5. Сочетаемость потенциалов приставок, как и предлогов, зависят от геометрических свойств референта при предложном имени: так, предлог и приставка в- требуют "замкнутости" ориентира: въехать во двор, в гараж. Для приставок, кроме того, важны свойства объекта, обозначенного всем сочетанием предлог + имя. Выражения типа влезать под кровать, под стол, за печь, за шкаф; въехать под сень деревьев, въехать под навес, ввести иглу под кожу возможны именно потому, что пространство под или за этими ориентирами характеризуется замкнутостью. Ср. также различия в понимании приползти под забор - вползти под забор, лечь под крыльцо - влезть под крыльцо. Первые фразы пар двузначны - или "сбоку от ориентира, рядом с его нижней частью", или "ниже нижней грани ориентира"; фразы с в- - однозначны, что связано именно с приставкой.

6. Для сочетаемости приставок существенно также соотношение свойств начального и конечного ориентиров движения, обозначенного префиксальным глаголом. Этим объясняется своеобразие сочетаемости приставок в- и вы- с предлогами в/на. Часть "замкнутых" ориентиров допускает лишь одну из этих приставок: только вы- (выйти на тропинку, в поле, на палубу, на поляну, на улицу) или только в- (войти в дом, в воду, в комнату). В других случаях возможны обе приставки: войти/выйти в коридор, в сад, во двор, на крыльцо, в сени. При этих ориентирах, как бы промежуточных между ориентирами первых двух групп, глаголы с приставками в-/вы- обозначают противоположно направленные движения: во двор входят с улицы, а выходят - из дома; на крыльцо входят, когда идут в дом

а выходят - по пути на улицу. Таким образом, конечный ориентир при глаголе с вы- менее замкнут, чем начальный: из комнаты в коридор, из коридора на крыльцо, с крыльца во двор, со двора на улицу, но не наоборот. Действие же, обозначенное глаголом с в-, направлено в более замкнутое пространство: во двор (улицы), в комнату (из коридора), в сени (с крыльца). Обе приставки синонимичны там, где степень замкнутости не возрастает: войти/выйти в другую комнату.

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ МЕСТА В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В. Евтыхин

Специфика предложений с обстоятельствами места такова, что представляется целесообразным проводить их анализ на двух уровнях: на уровне ядерных структур и на трансформационном уровне, где устанавливаются правила соединения двух ядерных структур в одну поверхностную.

Наличие в языке значительного количества глаголов с общим значением местонахождения и направленного движения позволяет выделить предикат локализации (термин Г.Б. Алисовой) как один из типов ядерных структур (т.е. структур, описывающих элементарные ситуации). Позиция обстоятельства места в моделях этого типа предиката является обязательной. Например, Он вошел в комнату. Он идет в комнату. Коробка стоит на столе, под столом.

Однако слова в функции обстоятельства места сочетаются и с глаголами таких семантических групп, которые не требуют локализатора в качестве одного из элементов его обязательного окружения. (Причем слова, обозначающие стативные обстоятельства, сочетаются с глаголами - практически всех семантических групп, а дирекционные, т.е. обозначающие направление, могут сочетаться только с глаголами, которые имплицитно содержат в себе возможность представления их как глаголов направленного движения (типа: кричать в окно).

В силу того, что предложение с обстоятельством места

и глаголом, обозначающим не местонахождение и не направленное движение, семантически могут быть расщеплены на две элементарные ситуации (манифестируемые ядерными структурами), эти предложения могут быть рассматриваемы как результат соединения двух ядерных структур.

В отличие, например, от предложений с обстоятельством причины, условия, цели, являющих собой последовательное соположение двух предикатных структур - развёрнутой и свёрнутой (предикат + вторичный предикат. Он спяну порезал себе руку; спяну → потому что был пьян), предложения (неядерные) с обстоятельством места являются однопредикатными. Происходит наложение двух ядерных структур одна на другую 1/ с ослаблением номинативного значения предиката локализации; 2/ с подключением к глаголу, обозначающего не местонахождение и не направленное движение, ослабленного номинативного значения предиката локализации; 3/ с подключением к глаголу обстоятельства места как одного из элементов предиката локализации. Например, Пенсионеры на лавочках читали газеты ← Пенсионеры читали газеты + Пенсионеры находились (сидели, лежали и др.) на лавочках. Изменение семантической структуры глагола не местонахождения и не направленного движения, объединение в рамках одного глагола номинативного содержания моделей двух предикатов (ядерных структур) позволяет, во-первых, рассматривать обстоятельство места (Пенсионеры сидели на лавочках) как комплемент к семе нахождения; во-вторых, считать поверхностную структуру синтаксически и семантически более спянной, чем, напр., структуры с обстоятельством причины или условия; и, в-третьих, считать, что поверхностная структура описывает одну ситуацию (тогда как поверхностные структуры с обстоятельствами причины, условия - двуситуативны), хотя и более богатую по содержанию, чем содержание каждой из элементарных семантических ситуаций, описываемых ядерными структурами, но менее богатую, чем сумма содержаний обеих элементарных семантических ситуаций. Вместо лежать, сидеть, стоять или располагаться еще каким-то образом, остается только одно - на-

ходиться.

На спянность поверхностной структуры (с глаголом, обозначающим не местонахождение и направленное движение), на ее однопредикатность (и, следовательно, на односитуативность) указывает принципиальная невозможность применения к обстоятельствам места трансформации в придаточные предложения (Он читал в постели → не трансформируется в сложноподчиненное предложение). На трансформационном уровне это резко противопоставляет обстоятельства места и обстоятельства цели, причины, условия, т.к. последние вполне допускают этот вид трансформации.

ОЦЕНОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЛОГИЧЕСКОГО ВЫВОДА, ОПИРАЮЩЕГОСЯ НА ПРЕСУППОЗИЦИИ

И. Лопатина

Рассматриваются тексты, содержанием которых является оценка /деятельности/ некоторого субъекта. Предварительно текст подвергается обработке, целью которой является устранение сложных синтаксических конструкций. Предложения преобразованных таким образом текстов распадаются на три интуитивно различных класса:

- 1/ предложения, характеризующие субъект положительно;
- 2/ предложения, характеризующие субъект отрицательно;
- 3/ предложения, не релевантные для оценки субъекта.

При этом предложения, представляющие собой оценочное утверждение в явном виде, напр., Он - замечательный человек, не рассматривались. Оценочное значение определяется вхождением его в тот или иной из этих трех классов: о предложениях первого класса говорится, что они имеют положительное оценочное значение, о предложениях второго класса, что они имеют отрицательное оценочное значение, о предложениях третьего класса говорится, что они не имеют оценочного значения.

Устанавливаются факторы, определяющие оценочное значение предложения. Для этого каждому предложению сопоставляется его глубинная структура в терминах специального разработанного семантического языка. Переход на глубинный уровень дал возможность установить закономерности связи оценочного значения предложения со значением единиц, образующих его глубинную структуру. Наличие таких закономерностей позволяет формализовать поиск предложений с заданным оценочным значением. Вместе с тем исследование показало, что для осуществления такой процедуры необходимо предварительное приписывание ряду слов их оценочных значений. Такое приписывание опирается на наши экстралингвистические знания о системе оценок, носителем которой является "автор" текста, если нас интересует его оценка событий, или на наши собственные оценочные представления, если мы желаем оценить происходящее со своих позиций. Таким образом восприятие какого-либо предложения как имеющего определенное оценочное значение, опирается не только на знание языка, но и на представления воспринимающего о мире.

В одном из своих значений термин "пресуппозиция" используется для обозначения тех экстралингвистических знаний, которые влияют на восприятие предложений. Пресуппозиции могут быть представлены как высказывания на некотором семантическом языке. Оценочные пресуппозиции могут быть представлены как высказывания вида "то, что X имеет место - хорошо/плохо" и "X должен быть Z-ым"/что равносильно высказыванию "Z-ый X - хорош/плох". Закономерности связи оценочного значения предложения со значением единиц, образующих его глубинную структуру, могут также рассматриваться как пресуппозиции, имеющие, в отличие от конкретных вариантов оценочных пресуппозиций, универсальный характер. Эти пресуппозиции представимы в виде импликаций, напр. $(\forall X)(\forall P)[XP - \text{хорошо} \rightarrow X \text{ каузирует } P - \text{хорошо}]$ или $(\forall X)(\forall P)[P - \text{плохо} \rightarrow X \text{ испытывает положительные эмоции по поводу } P - \text{плохо}]$.

Теперь процесс установления оценочного значения предложения можно представить как семантический вывод, опира-

ющийся на пресуппозиции. В качестве примера рассмотрим предложение Мария не убеждает сына бросить курить, предположив, что оно было высказано в оценочной ситуации /напр., обсуждались достоинства Марии как воспитателя/. Предположим, что человек, воспринимающий это предложение, считает, что курить плохо, тогда он отнесет его к предложениям с отрицательным оценочным значением. Такая реакция воспринимающего объясняется с помощью следующего вывода:

1. X) [X курит - плохо] / "субъективная" пресуппозиция /
2. сын курит - плохо /подстановка/
3. $(\forall X)(\forall P)[XP - \text{плохо} \rightarrow X \text{ перестает } P - \text{хорошо}]$ /универсальная пресуппозиция/
4. сын курит - плохо \rightarrow сын перестает курить - хорошо /подстановка/
5. сын перестает курить - хорошо /modus ponens, из 2 и 4/
6. $(\forall X)(\forall P)[P - \text{хорошо} \rightarrow X \text{ каузирует } P - \text{хорошо}]$ /универсальная пресуппозиция/
7. сын перестает курить - хорошо \rightarrow Мария каузирует, что сын перестает курить - хорошо /подстановка/
8. Мария каузирует, что сын перестает курить - хорошо /modus ponens из 5 и 7/
9. $(\forall X)(\forall P)[XP - \text{хорошо} \rightarrow X \text{ не } P - \text{плохо}]$ /универсальная пресуппозиция/
10. Мария каузирует, что сын перестает курить - хорошо \rightarrow Мария не каузирует, что сын перестает курить - плохо /подстановка/
11. Мария не каузирует, что сын перестает курить - плохо /modus ponens из 8 и 10/

В результате вывода получаем оценочное утверждение, отрицательно оценивающее ситуацию, обозначаемую предложением /выражение, заполняющее субъектное место оценочного предиката, есть глубинная структура предложения/.

Итак, интуитивно воспринимаемое оценочное значение предложения, есть результат логического вывода, опирающегося на пресуппозиции.

О ВОЗМОЖНЫХ ПРИМЕНЕНИЯХ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКИ В ТЕОРИИ РАСПОЗНАВАНИЯ ОБРАЗОВ

А. Нахимовский

1. Пусть имеется случайный процесс, описываемый четырьмя независимыми параметрами. Каждому состоянию процесса соответствует одна из двух возможных ситуаций А или В. Имеется конечная выборка состояний процесса, снабженная показани-ями идеального информанта, т.е. точно известна ситуация, соответствующая каждому состоянию из этой выборки. Требуется найти процедуру, которая по заданным значениям параметров вычисляла бы ситуацию.

2. Характерной чертой вышеупомянутого процесса является следующее: каждый из параметров с большей или меньшей степенью неопределенности предсказывает ситуацию, неопределенность снимается при рассмотрении всех параметров. Аналогичная ситуация наблюдается в лингвистической семантике: изолированное от контекста слово, в общем случае, имеет не-который набор значений, в совокупности образующих значимость словарной единицы. При употреблении слова в контексте мно-гозначность его снимается.

3. Вышеуказанное соображение дает возможность подойти к описанному классу задач теорий распознавания с лингвисти-ческими понятиями и методами. По сути дела, требуется:

а) построить метаязык описания, обладающий достаточной-разрешающей силой для различения многозначности,

б) установить формальные зависимости между значением высказывания и значимостями его компонентов,

в) выделить классы эквивалентных высказываний и по-строить формальные процедуры для их опознавания.

4. Все эти проблемы уже ставились лингвистической се-мантикой. В силу семантической бедности нашей задачи слож-ные формализмы, ориентирующиеся на описание всего семанти-ческого пространства, оказали лишь косвенное влияние на ее разработку, т.к. они, как правило, оперируют большим набо-ром предикатных функций с трудноопределимой предметной об-

ластью. Существенно использовались лишь работы, описывающие ограниченные разделы семантики и лексики в терминах линейных конечномерных пространств. Здесь особо следует отметить кан-дидатскую диссертацию В.Я. Шабеса "Распознавание смысла с помощью семантико-синтаксического тезауруса", где на матери-але пространственных значений предлогов в ряде языков выше-указанные задачи были решены, т.е. построен соответствующий алгоритм и машинная программа.

5. При решении нашей задачи метаязыком описания послу-жила вероятность, в которой каждый из параметров предска-зывает одну из двух возможных ситуаций. Вероятность была при-писана каждому "слову" объектного языка после статистическо-го анализа исходной выборки. Затем на множестве "слов" было задано отношение эквивалентности, которое содержательно оз-начает следующее: в один класс попадают "слова" с равной ве-роятностью. Образовавшиеся классы описываются последова-тельностью двоичных признаков, так что каждому состоянию процесса соответствует четыре вектора с координатами 0 или 1. Эти вектора сличаются по координатам с "синтаксической таблицей", в которой перечислены все возможные сочетания значимостей и указывается значение для каждого из них. На координатах результирующего вектора задается монотонно воз-растающая решающая функция. Область ее изменения разбива-ется на три интервала, и, в зависимости от того, в какой из них попадает значение функции, получается один из трех воз-можных результатов: А, В, многозначность не устранена. В настоящее время завершается статистическая обработка исход-ной выборки, уточняется вид синтаксической таблицы и реша-ющей функции.

СВЯЗНЫЙ ТЕКСТ: способы представления
структуры и проблема абзаца
В. Бритвин

Одним из основных факторов, обуславливающих связность, является наличие в нём семантических /лексических и полевых/ повторов.

Исходя из семантических повторов, можно ввести различные способы представления структуры связного текста:

1. выписывание элементов повторов друг под другом в столбец по мере их появления в очередных предложениях;

2. составление графа связности, на котором указываются семантические связи между отдельными предложениями, расположенными в цепочку;

3. представление структуры на основе актуального членения предложения:

а/ составление схемы нанизывания;

б/ составление линейной схемы-графа;

4. составление схемы нанизывания, исходя из синтаксической структуры предложения.

Все эти способы представления, обладая рядом общих черт, имеют и некоторые различия, выдвигая на первый план те или иные характеристики текста.

Наличие некоторых характеристик в каждом из представлений позволяет с большей или меньшей степенью вероятности предсказать наличие красной строки /КС/ /границы абзаца/ в тексте, но ни одна из этих характеристик не даёт возможности предсказывать КС с достаточно высокой надёжностью, либо, если такая характеристика существует, то она очень редка и не охватывает большого числа случаев КС.

Поэтому была сделана попытка одновременного использования всех этих характеристик для предсказания появления КС в тексте, т.е. попытка использовать их в качестве признаков. В зависимости от способности признаков предсказывать КС вводится его вес. Кроме того, вводится коэффициент оптимальной длины абзаца.

Для определения весов признаков и коэффициента длины был проведен анализ части текста школьного учебника "История древнего мира". Этот текст был выбран ввиду его относительной простоты и эксплицитности, обусловленной его учебной целью и возрастом читателя, которому он адресован. Этим обусловлен также тот факт, что основную роль в связывании его предложений играют семантические повторы, что весьма существенно для представления его структуры вышеуказанными способами.

Была проверена возможность предсказания КС с помощью этих признаков на необработанной части текста. В большинстве случаев предсказанная с их помощью КС действительно имеет место в тексте, а в остальных случаях, хотя она и отсутствует в тексте, ее наличие было бы, интуитивно, вполне естественным. С другой стороны, количество не предсказанных, но имеющих место в тексте КС также незначительно, и в ряде случаев их появление не оправдано.

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР НА
ОСНОВЕ СТРОЕНИЯ ИХ ПАРАДИГМ
(на материале английского языка)

С. Хатина

Данная работа состоит из двух частей:

1. Анализ именной группы;

2. Анализ системы глагола.

Как и первая часть работы, 2-ая — основана на идее о необходимости рассмотрения и анализа грамматических явлений — явлений требования и постановки определенной грамматической формы, случаев выбора определенного, конкретного варианта из парадигмы инвариантов, на основе факторов контекстуальных, вынесенных за рамки замкнутой структуры предложения, на основе выявления факторов требования постановки определенной грамматической формы не внутри замкнутого предложения, а выходя в сферу контекстуального

влияния (имеется в виду отрезок семантически связного текста).

Сфера анализа расширяет свои границы, выходя за пределы анализа грамматических форм в рамках замкнутой синтаксической структуры — предложения.

Анализ приобретает более широкий лингвистический фон, что способствует учету большего, чем при анализе замкнутой структуры предложения, числа факторов влияния, расширяет поле лингвистического обозрения рассматриваемого явления и увеличивает процент точности предполагаемого решения. Другим аргументом в пользу такого расширенного взгляда на проблему выявления факторов влияния извне, является идея о необходимости исследования грамматических конструкций в контексте, где они работают, функционируют.

2-ая часть работы, основываясь в теоретическом плане на данных положениях, в качестве материала анализа имеет систему глагола. Подробному анализу подвергаются грамматические параметры глагола, его грамматические характеристики с точки зрения принятой концепции, а именно: возможность выбора определенного грамматического варианта из парадигмы инвариантов, как следствие наличия очевидных требований к постановке данного варианта. Подобными требованиями (факторами влияния) являются:

- а) лексические,
- б) семантические,
- в) формальные.

В большинстве случаев формальным факторам сопутствуют семантические.

В случае свободных вариантов (нет ограничений для выбора одного конкретного варианта из парадигмы) выбор осуществляется на основе внешнелингвистических факторов. В качестве примера вышеуказанного явления рассмотрим анализ такого грамматического параметра глагола, как его переходность.

Варианты — переходные/непереходные глаголы.

Общее у этих вариантов — причастность к одному призна-

ку — признаку, являющемуся лишь одним из глагольных свойств, параметров. Т.е. их правильнее будет назвать аспектуальными вариантами глагольной категории/глагольного инварианта/

Следует говорить об аспектуальной парадигме вариантов глагольного инварианта. Факторы, определяющие выбор конкретного варианта:

Лексические факторы (в случае наличия в определяющем предложении объекта действия). Глагол определяемого предложения, связанного с объектом определяющего, будет переходным.

Существует лишь несколько собственно непереходных глаголов, которые во всех случаях употребляются в непереходном значении (*be, exist*). У большинства же непереходных глаголов, наряду с основным непереходным значением, встречаются производные значения, связанные с переходностью, т.е. с выражением направленности действия на объект. В случае, если объект действия, на который направлен глагол определяемого предложения, вынесен в определяющее предложение, глагол определяющего предложения становится в данном контексте переходным.

1. *The scene horrified her. Nevertheless she looked at it with her eyes widely opened.*
2. *The knife was lying near her. She touched it with her fingers.*

В определяемом предложении объект, как таковой, отсутствует, имеется лишь указание на него. Глагол, соотносенный семантически с предметом, названным в определяющем предложении, переносит характер действия на функциональные заместители объекта, становясь, в результате этого, переходным. Имеет место контекстуальная обусловленность переходного варианта.

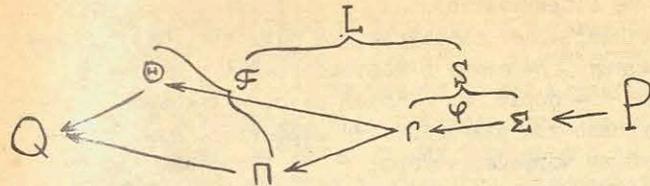
Примеры употребления, в результате контекстного влияния, глаголов с основным значением непереходности в переходном значении: *The kite was so large & beautiful. It was so pleasant to fly it.* (*to fly* — непереходный глагол, в данном случае, под влиянием контекста, приобретает каузативное переходное значение).

0. Исследуется организация языковой системы (L) на уровне "универсального компонента грамматики" (по Н. Хомскому).

1. Основное предназначение L — выполнение коммуникативной функции. С точки зрения лингвистики весь мир делится на: 1) сам L , 2) субстанцию содержания языка — P (в смысле Л. Ельмслева), 3) субстанцию выражения языка — Q (в смысле Л. Ельмслева). Пусть α — отображение P на L ($\alpha: P \rightarrow L$) и β — отображение L на Q ($\beta: L \rightarrow Q$). Язык можно определить как отображение P на Q ($\lambda: P \rightarrow Q$). Отображение λ является композицией отображений α и β . Введение такого конструкта как L и исследование его структуры оправдано лишь в той степени, в какой это помогает выяснить природу отображения P на Q . При конструировании L будем руководствоваться глоссематическими принципами эмпиризма и простоты.

2. В L выделяются: 1) семиотическая подсистема (S') — то же, что "ярус глобальных символов" у С.К. Шаумяна; 2) фонологическая подсистема (\mathcal{F}) — "фонологический код" у С.К. Шаумяна; 3) морфонологический механизм (μ), являющийся отображением S на \mathcal{F} ($\mu: S \rightarrow \mathcal{F}$).

3. В \mathcal{F} и S задается разбиение на страты таким образом, что на множестве элементов каждого страта определено отношение "состоит из", являющееся отношением строгого порядка, и задающее в нем иерархию уровней составляющих. В \mathcal{F} : 1) фонематический страт — Θ ; 2) Π — просодический страт. В S : 1) грамматический страт — Γ ; 2) семантический — Σ . Отображение $\varphi: \Sigma \rightarrow \Gamma$ называется знаковой функцией. Γ отображается одновременно на Θ и Π . Систему L можно представить себе таким образом, что ее подсистемы \mathcal{F} и S расположены как бы в перпендикулярных плоскостях:

4. Первый уровень страта (u_1) образуется элементами, не разлагающимися на составляющие. Элементы n -го уровня являются конструкциями из элементов $n-1$ -го уровня. Вступая во взаимодействие с одноуровневыми элементами они образуют элементы $n+1$ -го уровня. (т.к. "состоит из" является отношением строгого порядка, в синтагматическое взаимодействие могут вступать только элементы одного уровня).

5. Элементы Π характеризуются кульминаторами (k) и делимитаторами (d) (в речи — силой звука и паузами). Просодемы более высокого уровня обладают более сильным кульминатором и сильнее отделены от соседних просодем, чем просодемы более низкого уровня.

u_1 : $d_1 k_1 d_1$ — Π -слог; $d_1 k_2 d_1$ — "ударный" Π -слог;
 u_2 : $d_2 k_2 d_2$ — Π -слово (такт); $d_2 k_3 d_2$ — "ударный" такт;
 u_3 : $d_3 k_3 d_3$ — Π -фраза.

6. Элементы Θ характеризуются мелодикой (частотой колебания и изменением частоты — в речи). u_1 : фонемы; u_2 : Θ -слоги; u_3 : Θ -слова; u_4 : Θ -фразы.

7. При характеристике фонологом следует учитывать взаимодействие просодем и фонематем. Интонация — характеристика, учитывающая изменение частоты колебания и силы голоса.

8. Иерархия уровней составляющих в Σ такова: u_1 — Σ -слова (= термы + предикаты), u_2 : ситуации (множества термов, объединяемые предикатами); u_3 : сложные ситуации (множества объединенных каким-то отношением ситуаций, например, отношением причинности); u_4 : макроситуации (повествование).

9. Центральное положение в L занимает Γ , который в отличие от других стратов с внеязыковой субстанцией непо-

средственно не соприкасается. u_1 : морфемы; u_2 : слова; u_3 : предложения; u_4 : сверхфразовые единства. Отображение φ ставит каждому Σ - слову в соответствии определенную морфему. Такой φ - образ Σ - слова назовем лексемой. Кроме лексем есть еще две разновидности морфем: т. нзв. формо- и словообразующие морфемы, которые φ - образами не являются. Соединение лексемы и формемы образует слово (элемент u_2). Множество соединений одной лексемы с различными формемами образует парадигму слова. Соединение лексемы и словообразующей морфемы образует не слово, а другую лексему. При взаимодействии единиц u_2 имеет значение, чем является прообраз лексемы, образующей основу слова, термом или предикатом. Так же, как и предикат, сказуемое может быть одноместным, двуместным, ..., n -местным. Нульместное сказуемое - т. нзв. категория состояния. Выделение его в особую часть речи - неоправданно. Предложения так же, как и слова, имеют парадигму. Будем говорить, что совокупность нескольких предложений образует парадигму, если им соответствует одна и та же ситуация в Σ . Предложения объединяются в сверхфразовые единства, которые по определению не вступают друг с другом в синтагматические отношения типа (со)подчинения.

Ю. Рассмотрение некоторых лингвистических терминов:

1) части речи и грамматические категории, 2) глубинные и поверхностные структуры (по Н. Хомскому), 3) проблема лингвистической правильности (по Т.-Р. Витсо).

КВАЗИИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СВЯЗАННЫЕ ФРАЗОВЫЕ СЕГМЕНТЫ В. Щаднева

Зависимость квазиимперативных конструкций от контекста не поддается объяснению известными видами связи, такими как а) лексические переносы слов из одного предложения в другое б) связанность по определенным видам грамматических категорий; в) разного рода замещения. Это не исключает, впрочем, возможности наличия в определенных единицах какого-либо из

указанных типов связи.

Определение характера зависимости квазиимперативных конструкций, разграничение свободных и связанных единиц достигается путем постановки фразового сегмента в изолированную позицию и выявления его поведения вне контекста. Принимается допущение: потеря единицей того общего смысла, значения, которым она обладала в контексте, считается признаком связанности единицы. Этот вид связанности назовем чисто семантическим, а синтаксические единицы, теряющие первоначальный (контекстуальный) смысл при изоляции, - связанными фразовыми сегментами. Наличие контекстуального значения и вне контекста позволяет отнести синтаксические конструкции в разряд самостоятельных.

Форма императива (кроме своего прямого применения) имеет довольно большое количество квазиимперативных значений. В работе анализируются наиболее частотные конструкции:

- 1) со значением должествования;
- 2) невозможности совершить действие;
- 3) со значением желательности;
- 4) условные конструкции;
- 5) со значением прошедшего времени;
- 6) уступительные конструкции;
- 7) со значением потенциальности действия.

Квазиимперативные конструкции в большинстве своем являются принадлежностью устной, диалогической речи. Отсюда их эмоциональность, экспрессивность. Так как выражения личного отношения говорящего - основное в характеристике ряда квазиимперативных конструкций - осуществляется посредством факторов, не присущих внутренней структуре сегментов (характер интонации, законченность - незаконченность интонационного оформления), то это позволяет отнести их к несамостоятельным связанным фразовым сегментам междометного плана. Как и междометие, эти синтаксические единицы в зависимости от характера сообщаемой им интонации могут приобретать различные значения, выражающие мнение говорящего. Это обстоятельство ведет к явлению синтаксической омонимии

внутри рассматриваемой группы конструкций.

В соответствии с разработанной методикой синтаксические конструкции были разделены на две группы: несамостоятельные связанные фразовые сегменты и самостоятельные. Внутри последней группы наблюдаются два вида связанности¹: относительная и абсолютная. Абсолютная является принадлежностью сегментов, обязательно входящих в состав сложного предложения. Зависимость от контекста относительно связанных фразовых сегментов позиционна, т.е. свобода данных конструкций лишь относительная.

Результаты исследования суммированы в следующей таблице:

¹ Целесообразно разграничить понятия "связанный" и "самостоятельный" ("свободный"). Если под самостоятельностью понимается сохранение фразовым сегментом общего значения и при изъятии его из контекста, то под связанностью — лишь наличие контекстуального окружения (обязательного или необязательного) для той или иной синтаксической единицы.

ОПЫТ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗАХ А. ПЛАТОНОВА О ДЕТЯХ

С. Баженова

Открытие Андрея Платонова — одно из выдающихся литературных событий последних лет. При жизни писателя его работы не по таланту скупо печатались, так как, по замечанию Р. Сливовского, "не гармонировали" с эпохой. Небольшое количество существующих работ направлено в основном на реабилитацию авторской репутации Платонова. Во многих из них отмечается уникальность языка прозы Платонова.

Интерес представляет авторское повествование, в большом количестве отрезков ориентированное непосредственно на речь и мировосприятие героев. Особая форма "сказа" (по М. М. Бахтину) не позволяет выделить доминирующие и подчиненные стилистические элементы. Поэтому равно следует отметить:

I. Стилизации речи, основанную на особенностях детского мировосприятия, тенденции к "стенотографированию" мира, в приемах: а) "прямления" (термин Борового), т.е. несовпадения синтагматических и семантических отношений слов; б) антисубстантивации, вызванной заменой абстрактных понятий конкретными; в) детского словотворчества на основе аналогии; г) полисемии некоторых слов, связанной с ограниченностью лексических средств детей;

II. Характерные для прозы Платонова приемы актуализации с одновременной пересемантизацией слов: а) трансформация нескольких синтаксических конструкций в одну; б) нарушение "синтагматических свойств слов" (термин Апресяна), т.е. расширение валентности глагола и т.д.; в) частичное (замена отдельных слов синонимами) и полное (употребление как свободного словосочетания) разрушение фразем; г) контекстуальное снятие стилистических наращений слов, возвращение первоначального значения.

¹ René Śliwowski *Miasto Gradów*, Warszawa, 1970

² М. Бахтин. *Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1965.

³ Ю. Апресян. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. М., 1967.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛЕКСИКИ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ
В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧУДЬЯ ЭССР

И. Костюк ✓

Развитие русских говоров на территории ЭССР протекало в условиях территориальной и языковой изолированности, иноязычного окружения и относительно слабого воздействия литературного языка. Это своеобразие в общем развитии говоров на территории Эстонии сказывается и на лексической системе этих говоров.

В настоящем сообщении мы приводим наблюдения над лексикой, означавшей предметы одежды и обуви, в русских говорах северного Причудья. Рассматриваются основные названия верхней и нижней одежды женщин и мужчин, головных уборов, виды мужской и женской обуви.

Анализируемый материал по указанным тематическим группам позволяет определить не только объем и состав интересующей нас группы, но и установить взаимоотношения литературных и диалектных слов, а также проследить за теми изменениями, которые произошли в особых условиях развития на территории многоязычного окружения.

Анализ диалектной лексики указанной группы показывает, что влияние литературного языка, несмотря на слабые условия развития исследуемых говоров, заметно сказывается при названиях одежды и обуви, тканей и украшений.

Рассматриваемые названия одежды и обуви неоднородны с точки зрения принадлежности их к активному или пассивному словарю. Некоторые слова перешли в пассивный запас или совсем вышли из обихода за ненадобностью. Характерно разграничение сфер использования равнозначных литературных и диалектных слов. Наблюдается утрата некоторыми местными словами их прямого значения в результате исчезновения обозначающих ими предметов. Слова литературного языка, вливающиеся в словарный состав местных говоров, обычно претерпевают те или иные изменения в их семантике, стилистической окраске.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. Ф о л ь к л о р . И с т о р и я л и т е р а т у р ы .

<u>Б.Евтушенко.</u> Терминология святочного обряда в славянских языках	5
<u>А.Байбурин.</u> Из русской демонологии	8
<u>И.Душечкина.</u> Текстологические наблюдения над третьим томом "Полного собрания сочинений" А.Н.Радищева	10
<u>В.Сидяков.</u> Средневековая тема в русской литературе конца XVIII века	13
<u>Л.Киселева.</u> К проблеме "Карамзин и Сперанский"	15
<u>М.Плюханова.</u> Литературная позиция "Северной пчелы" (1825-1829 гг.)	18
<u>Л.Петрова.</u> Русский альманах начала XX века как тип текста	20
<u>И.Паперно.</u> А.Г.Евстафьев - двуязычный писатель	23
<u>К.Кумная.</u> Два аспекта "Лермонтовской личности"	26
<u>С.Кульбс.</u> К вопросу о позиции "Нового пути" (1903-1904)	29
<u>Е.Серман.</u> Блок - переводчик Байрона	31
<u>В.Алтушин.</u> Некоторые вопросы поэтики романа А.Белого "Петербург"	33
<u>А.Дерман.</u> Пьеса Л.Андреева "Тот, кто получает пощечины"	35
<u>Е.Тожранова.</u> Урбанизм Маяковского (1912-1917)	36
<u>И.Розенфельд.</u> Проблемы композиции и стиля "Одесских рассказов" И.Э.Бабеля	39
<u>Х.Дуллеритс.</u> Роль драматургии Н.В.Гоголя в развитии русско-эстонских театральных связей	42

II. Т е о р и я л и т е р а т у р ы .

<u>В.Вмельянов.</u> Художественная функция цитаты в романе Ю.Тянинова "Пушкин"	45
--	----

<u>Г. Левинтон.</u> К проблеме литературной цитации	47
<u>Я. Курсите.</u> Метрические аспекты поэзии А.А.Дельвига	50
<u>И. Попова.</u> Время и ритм в романе Ф.М.Достоевского "Преступление и наказание"	53
<u>Ю. Минералов.</u> О специфике морфо-семантического уровня в поэтических текстах	55
<u>Ю. Цивьян.</u> К описанию знака кино	57
<u>О. Лейбман.</u> Поэтика метатекста. (Глоссы и примечания в художественных произведениях ХУШ в.)	59
<u>Н. Паньшина.</u> Заболоцкий и Державин. (К проблеме цвета и света)	62
III. М е т о д и к а.	
<u>Т. Уууккиви.</u> Наглядность при обучении грамматике неродного языка на среднем этапе	67
<u>Э. Линнамяги.</u> Основные функции и методика организации контроля на среднем этапе обучения русскому языку	68
<u>И. Шескина.</u> Влияние сюжета на понимание текста на неродном языке	69
IV. Л и н г в и с т и к а.	
<u>С. Сосновицкая.</u> Учение А.А.Реформатского о перцептивных и сигнификативных позициях	74
<u>П. Пунга.</u> К вопросу о развитии фонетической системы диалекта в иноязычном окружении	76
<u>И. Лапидус.</u> К истории древнерусской фонологической системы (опозиции [o] : [õ])	77
<u>М. Синицын.</u> Об уровне более глубинном, чем семантическая репрезентация	79
<u>И. Селектор.</u> О некоторых способах выделения словарных значений	82
<u>С. Делец.</u> Полисемия и омонимия в истории русского языка (по материалам "Жития протопопа Аввакума")	83
<u>Л. Беренс.</u> Принципы составления школьного русско-эстонского словаря	85
<u>М. Степанова.</u> Русские фразосочетания типа "прилагательное (от названий животных) + существитель-	

ное" и их эстонские эквиваленты	86
<u>Г. Иоффе.</u> О русско-эстонской межъязыковой идиоматичности глагольно-именных несвободных сочетаний ...	87
<u>А. Левитина.</u> О словотворческой традиции В.Хлебникова в поэзии А.Вознесенского	89
<u>О. Волкова.</u> Интерфиксы -ов-, -ин-, -ш-, -j- в русском языке	91
<u>Чанг Тхи Дай.</u> Способы выражения движения в русском и вьетнамском языках	94
<u>Э. Джемакулова.</u> Семантическая эволюция приставки от- ..	96
<u>О. Томасова.</u> Суффиксальная субстантивация в древнерусском языке (существительные с суффиксом -ица) ..	97
<u>В. Брехов.</u> К этимологии слова "картавый" в русском языке	99
<u>Е. Злотник.</u> Алгоритм порождения венгерских слов оформ, чередующих гласную с нулем в основе	101
<u>Ю. Князев.</u> Сочетаемость предлога и приставок	104
<u>В. Евтухин.</u> Об обстоятельстве места в структуре предложения	107
<u>И. Лопатина.</u> Оценочное значение предложения как результат логического вывода, опирающегося на пресуппозиции	109
<u>А. Нахимовский.</u> О возможных применениях методов лингвистической семантики в теории распознавания образов	112
<u>В. Бритвин.</u> Связный текст: способы представления структуры и проблема абзаца	114
<u>С. Хатина.</u> Анализ взаимодействия синтаксических структур на основе строения их парадигм (на материале английского языка)	115
<u>М. Лотман.</u> К построению стратификационной модели языка ..	118
<u>В. Щаднева.</u> Квазимперативные конструкции как связанные фразовые единства	120
<u>С. Баженова.</u> Опыт формально-семантической интерпретации авторского повествования в рассказах А.Платонова о детях	123

С.Фрухт /Львовский ГУ/ Прием формального вычленения семан-
тико-словособразовательного поля (на материа-
ле русских глагольных симплексов)

Е.Аркевич /МГПИИЯ им. М.Горького/ К теории языковых подсистем

Х.Кихль /Таллинский пединститут/ Сопоставительный анализ
стихотворения А.Вознесенского "Песенка из
спектакля" и его перевода на эстонский язык

Г.Яковлева /ТГУ/ Из наблюдений над лексикой жилища и жилищ-
но-хозяйственного строительства в русских
говорах северного Причудья ЭССР

СБОРНИК
СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ
Литературоведение. Лингвистика
На русском языке
Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Еликооли, 18
Ответственные редакторы В.И. Беззубов,
Е.И. Гурьева и Х.Я. Пак

Сдано в печать 3/IV 1973 г. Бумага для множительных
аппаратов 30x42.1/4. Печ. листов 8,25. (условных 7,67).
Учетн.-издат. листов 6,0. Тираж 400 экз.
МВ 03062. Зак. № 378.
Ротапринт ТГУ. г. Тарту, ул. Пяльсоли, 14
Цена 40 коп.